

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

КНЯЗЬ

ДАВИДЪ ОСИПОВИЧЪ БЕБУТОВЪ. (*)

I.

Родъ князей Бебутовыхъ.—Дѣтство князя Давида Осиповича.—Грузинскія военныя игры.—Вступленіе въ военную службу.—Первые годы службы въ Нарвскомъ драгунскомъ полку. — Смуты въ Грузіи. — Передвиженіе Нарвскаго драгунскаго полка съ кавказской линіи въ бѣлорусскія губерніи.—Стоянка въ Малороссіи.—Воспоминаніе о полковникѣ Голенко.

Князь Давидъ Осиповичъ Бебутовъ родился 11-го января 1793 года, въ Тифлисѣ.

Родъ Бебутовыхъ происходитъ отъ одного изъ дворянскихъ семействъ, выселившихся изъ Арменіи, послѣ паденія этого царства, въ Грузію. Здѣсь Бебутовы заняли почетное мѣсто между грузинскими князьями и постоянно отличались какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, особенно въ теченіе XVII столѣтія, когда Грузія доживала послѣднее время своего политическаго существованія.

Прадѣдъ князя Давида Осиповича Ашхорбекъ былъ меликомъ (губернаторомъ) тифлисскимъ, когда турки овладѣли Грузіею, находившеюся подъ властію персіянъ, и когда царь Теймуразъ удалился къ пшавамъ. Ашхорбекъ былъ умерщвленъ при взятіи Тифлиса (1724 г.). Черезъ одиннадцать лѣтъ (въ 1735 г.)

(*) Въ прошломъ 1866 году, князь Д. О. Бебутовъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, гостя у главнаго редактора «Военнаго Сборника», г.-л. Менькова, съ которымъ связывала его многолѣтняя пріязнь, заявилъ самое горячее желаніе о составленіи «автобіографіи», для которой имѣлось у него много матеріаловъ, именно: офиціальныя бумаги и письма, главное же собственноручныя записки, веденныя покойнымъ княземъ съ ранней молодости. Редакторъ «Военнаго Сборника» тогда же поручилъ составленіе этой автобіографіи одному изъ сотрудниковъ журнала, который и написалъ ее въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Замѣчательно, что эта біографія была прочитана авторомъ въ Варшавѣ князю Д. О. за нѣсколько дней до его смерти.

ОНАГОРФННО

Надиръ, дядя ^{изгнанный} турокъ изъ Грузіи, возвратилъ царство Теймуразу ^{и родыча сына} царевича Ираклія, взявъ въ заложики. Ираклій отправился въ столицу Персіи въ сопровожденіи нѣсколькихъ избранныхъ вельможъ, въ числѣ которыхъ были сынъ покойнаго Ашхорбега, дѣдъ князя Давида, князь Василій, извѣстный подъ именемъ Меликъ-аги. Во время пребыванія царевича при дворѣ персидскаго шаха, Меликъ-ага участвовалъ въ походѣ Надиръ-шаха на Индію (1739) и оказалъ столь важныя заслуги, что Надиръ подарилъ ему драгоценную саблю и возвелъ въ званіе мискарбаша (егермейстера). Воспользовавшись смутами въ Персіи послѣ смерти Надиръ-шаха (1747 г.), Ираклій восстановилъ независимость Грузіи и назначилъ Меликъ-агу тифлисскимъ меликомъ, съ сохраненіемъ придворнаго званія. Оба эти титула остались наследственнымъ въ родѣ Бебутовыхъ и перешли сперва къ старшему сыну Меликъ-аги, князю Ивану (*), и потомъ къ младшему, князю Іосифу—отцу Давида Осиповича, бывшему тогда „малоретъ ухуцесомъ“ (главнымъ казначеемъ) при царевичѣ Гулонѣ. Князь Іосифъ, женатый на Марьѣ Осиповнѣ Коргановой, дочери млахвира (шталмейстера), занималъ должность мискарбаша при дворѣ царя Ираклія II.

Въ 1783 году царь Ираклій II отдался подъ покровительство Россіи; но это не мѣшало ни туркамъ, ни персѣямъ добиваться господства въ Грузіи. Въ силу кучукъ-кайнарджисскаго мира, Турція не предпринимала ничего непріязненнаго; за то Персія, выждавъ благоприятное время, осуществила свои завоевательные замыслы. Въ 1795 году, шахъ Ага-Магометь-ханъ съ огромными силами вступилъ въ ханства Гвижжисское и Эриванское, завоєванныя отъ Грузіи, а потомъ пошелъ на Тифлисъ, овладѣлъ имъ и разорилъ въ концѣ. Грабежъ, со всякаго рода неистовствами, продолжался девять дней. (**)

При вторженіи персіянъ въ городъ, жители его, кто могъ, бѣжали въ горы. Семейство князя Бебутова было въ числѣ спасавшихся; но оно не успѣло отъѣхать семи верстъ отъ Тифлиса, какъ, застигнутое страшною бурей, нашлось вынужденнымъ пріютиться въ развалинахъ одного монастыря.

(*) Онъ смончался въ Дамаскъ, куда былъ посланъ царемъ съ порученіемъ.

(**) Описание этого несчастія см. въ ст. Дубровина „Послѣдній царь Грузіи Георгій XII“. „Восный Сборникъ“ 1867 г., № 1.

близъ дороги. Едва бѣглецы расположились подъ защитою старинныхъ стѣнъ, какъ изъ слиты кто-то закричалъ: „персіане! персіане!“ и всѣ снова бросились на коней. Въ тревогѣ нянька позабыла маленькаго князя Давида на одномъ изъ надгробныхъ камней. Отъѣхавъ уже вѣскольکو сотъ сажень, княгиня Бебутова какъ бы инстинктивно, по голосу сердца матери, почувствовала отсутствіе младенца-сына. Не найдя его ни рукахъ у няньки, она бросилась назадъ и благополучно возвратилась къ своимъ съ драгоценною ношею. Князь Давидъ Осиповичъ, всегда нѣжно любившій свою мать, говаривалъ, что два раза былъ обязанъ ей жизни и потому питалъ къ матери двойную любовь—какъ къ родительницѣ и какъ къ спасительницѣ.

Отчаянное положеніе Грузіи побудило царя Георгія XII съ большею настойчивостію просить, въ 1798 г., императора Павла I принять царство въ подданство Россіи. Въ это время Грузія, лишившись ханствъ Гвижжисскаго и Эриванскаго, состояла только изъ Кахетіи и Барталиніи.

Князь Давидъ Осиповичъ живо помнилъ колокольный звонъ и пушечную пальбу, которыми праздновали въ Тифлисъ прибытіе русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Лазарева, въ концѣ 1799 года.

Хотя присоединеніе Грузіи совершилось добровольно, однако была партія, вѣрившая въ возможность самобытнаго существованія царства. Въ главѣ этой партіи стоялъ, какъ извѣстно, царевичъ Александръ; къ числу же ревностныхъ приверженцевъ русскаго подданства принадлежалъ отецъ князя Давида, искренно преданный нашему правительству. Въ гостепріимномъ домѣ его собиралось русское общество: у него часто бывали Лазаревъ, Котляревскій, Гуляковъ, Портнягинъ, Корягинъ—первые русскіе дѣтели на Кавказѣ. Прибывшій въ Тифлисъ (1803 г.) главнокомандующій князь Цицѣановъ, познакомясь съ престарѣлымъ мискарбашемъ, такъ полюбилъ его, что не разлучался съ нимъ даже въ походахъ. Въ 1804 году, начальствуя отдѣльнымъ отрядомъ, князь Іосифъ Васильевичъ разбилъ на рѣкѣ Загъ эриванскаго сардард, готовившагося вторгнуться въ Грузію. За этотъ подвигъ и за многія другія доказательства усердія и преданности русскому правительству мискарбашъ былъ награжденъ чиномъ полковника и орденомъ св. Анны 2-й степени съ алмазами.

Приблизивъ къ себѣ князя Іосифа Васильевича, главнокомандующій совѣтовалъ ему отдать сыновей въ военную службу. Мискарбашъ охотно послѣдовалъ этому совѣту. Два старшихъ сына, Василій и Давидъ, поступили сначала въ училище для благородныхъ дѣтей, которое было основано въ Тифлисѣ (1801 г.) нашимъ уполномоченнымъ при грузинскомъ дворѣ, статскимъ совѣтникомъ Коваленскимъ, и на содержаніе котораго Циціановъ обратилъ доходы съ покоренной имъ области джаробѣлоканскихъ лезгинъ. Въ 1807 году князь Василій отправленъ былъ въ С.-Петербургъ въ кадетскій корпусъ. Выпущенный отсюда въ 1809 году офицеромъ въ Херсонскій гренадерскій полкъ, онъ занималъ въ послѣдствіи высокіе посты, заслужилъ особое довѣріе государя, съ честью подвизался на поляхъ битвъ и прославилъ свое имя блистательными побѣдами подъ Кюрюкъ-дара и Башкадыкларомъ. Князь Давидъ остался въ Тифлисѣ вмѣстѣ съ тремя младшими своими братьями, изъ которыхъ одинъ только Григорій предназначался для гражданской службы, а два младшіе поступили въ военную. (*)

Образованіе грузинскаго юношества ограничивалось тогда весьма немногими предметами: образованнымъ молодымъ чело-вѣкомъ считался тотъ, кто умѣлъ читать и писать по-грузински, зналъ по-персидски, хорошо владѣлъ конемъ и оружіемъ. Знаніе русскаго языка слѣдалось потребностію только со времени окончательнаго присоединенія Грузіи къ Имперіи и приобреталось болѣе практически, хотя и прежде, при частыхъ сношеніяхъ съ Россіей, русскій языкъ не совсѣмъ былъ чуждъ грузинамъ, изъ которыхъ многіе, спасаясь отъ мусульманскаго яга, переселились въ Россію. (**)

(*) Князь Георгій служилъ председателемъ уголовной палаты и умеръ въ 1860 г. Князь Александръ убитъ въ 1828 г. въ Абхазіи. Князь Павелъ умеръ скоропослѣдствіемъ въ 1810 г.

(**) Политическія отношенія наши съ Грузіей восходятъ до глубокой древности. Уже въ XI вѣкѣ Метиславъ Тмутараканскій господствовалъ на Кубани; сынъ Андрея Боголюбскаго Юрій женился (1171 г.) на грузинской царевнѣ Тамарѣ; съ XVI столѣтія нѣкоторые изъ грузинскихъ царей начали признавать верховную власть Россіи: такъ царь Александръ присягалъ на вѣрность Θεодору Іоанновичу, Леонтій—Іовнну Грозному, Георгій—Барису Годунову, Теимуразъ—Михаилу Θεодоровичу, Александръ—Алексію Михайловичу. Конечно, зависимость была номинальная, но она имѣла и политическое значеніе относительно Персіи и Турціи, домогавшихся владычества въ Закавказьи. При царѣ Александрѣ Михайловичѣ высланы въ Россію князья Давидовъ и Давидъ; но самое значительное переселеніе было при Петрѣ Великомъ, когда вышли царя Арчилъ и Вахтангъ съ князьями Баграціонами, Эрестонами, Амилхошоронами и др. Изъ раз-

Посѣщая училище, князь Давидъ жилъ въ родительскомъ домѣ и, когда подросъ, не рѣдко скакалъ на конѣ въ погоню за лезгинами, набѣги которыхъ доходили тогда до самаго Тифлиса. Любимымъ развлеченіемъ молодого Бебутова было ходить по воскресеньямъ на военныя игры: тутъ онъ рубился съ товарищами деревянными саблями или стрѣлялъ изъ пращи и часто возвращался домой съ знаками порядочныхъ ушибовъ (*). Игры эти назывались *криви*. Онѣ подробно описаны княземъ въ его дневникѣ, изъ котораго мы приведемъ здѣсь выдержки.

Слово „криви“ означаетъ по-грузински драку, сраженіе, бой. Сущность игры заключалась въ томъ, что игравшіе раздѣлялись на двѣ стороны. Дѣломъ это былъ просто кулачный бой (*муштиса-криви*), происходившій непремѣнно въ городскихъ улицахъ; зимою, вмѣсто кулаковъ, появлялись пращи и деревянные сабли. Зимнее сраженіе (*сардатиса-криви* или *квиста-криви*) происходило всегда за городомъ. Каждый бой открывался мальчиками; взрослые же и пожилые люди вмѣшивались въ него уже при разгарѣ и рѣшали дѣло. „Криви“ имѣло свой уставъ, освященный народнымъ обычаемъ. Отбитое оружіе, кушакъ, шапка, бурка считались законною добычею. Когда „криви“ бывало въ городѣ, зрители обоюбого пола размѣщались на кровляхъ домовъ и внимательно слѣдили за развитіемъ боя, одобряя криками сочувствія наиболее отважныхъ бойцевъ. Когда же дрались на прашахъ или на сабляхъ за городомъ, то публика заблаговременно занимала мѣста на окружныхъ высотахъ, откуда было весьма удобно слѣдить за побойщемъ, кипѣвшимъ въ долинѣ и въ ущельяхъ.... „Криви“ не могло не привлекать молодежи. Въ глазахъ грузинской женщины, юноша, прославившійся на „криви“, приобреталъ особенную прелесть, и, конечно, бойцы, подобно средневѣковымъ рыцарямъ, дѣйствовали столько же для славы, сколько и изъ желанія угодить дамѣ своего сердца. „Криви“ несомнѣнно имѣло свою хорошую сторону. Грузинъ съ ранняго возраста изощрялся въ военной хитрости, развивалъ природную смѣлливость, удалъ, ловкость словомъ, приобреталъ все тѣ каче-

но, время переселились Орбеліаны, Мезиовы, Анароріановы, Баритиены, Малатовы. Изъ извѣстныхъ дворянскихъ фамилій можно упомянуть о Герселиановыхъ, Темирязевыхъ, Лошаревыхъ, Осгобенкохъ, Амбразидовыхъ и проч.

(*) Любопытное указаніе на бытъ описанной эпохи можно найти въ книгѣ г. Дубровина „Закавказье 1803—1806 г.“

ства, которыя весьма важны для человѣка, посвятившаго себя воспомому дѣлу. Въ „сардатысь-криви“ битва начиналась съ пращей, посредствомъ которыхъ бросались камни въ противниковъ. Нечего и пояснять, что пращи были игрушечныя, т. е. малаго размѣра, а не тѣ, которыя употреблялись въ бояхъ древнихъ народовъ: изъ настоящей пращи Давидъ убилъ, какъ извѣстно, Голиафа. Когда пращники, въ видѣ застрѣльщиковъ, произвели уже въ некоторое смятеніе въ рядахъ непріятеля, сабельщики выдвигались впередъ и вступали въ рукопашную схватку, поддерживаемые пращниками, которые на близкомъ разстояніи бросали камни уже изъ рукъ. Въ такихъ случаяхъ щитомъ служила бурка.

Въ качествѣ зрителей игры, присутствовали нерѣдко высшіе сановники и русскіе главнокомандующіе: князь Циціановъ, Ермоловъ, князь Воронцовъ.

„Самые важныя „сардатысь-криви“ происходили—разсказываетъ князь Бебутовъ—на масляницѣ и оканчивались въ первый день великаго поста, имѣющій свое историческое названіе *кесноба* или *возстаніе шаховъ*. Въ понедѣльникъ на масляницѣ, съ ранняго утра, въ обѣихъ частяхъ города пзбирали по одному шаху, одѣвали ихъ богато и сажали на тронъ на видномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на перекресткѣ, откуда мнимые шахи могли видѣть всякаго проходящаго и проезжающаго. На улицѣ держали богато-убраннаго коня для каждаго шаха, и тутъ же были отряды его войска, называвшіеся по именамъ улицъ. Каждая улица имѣла свое знамя; отрядомъ командовалъ знаменитый боець. Шахъ приказывалъ брать дань съ каждаго прохожаго, не принадлежащаго къ его участку. Знаменщикъ, съ нѣсколькими ассистентами, бѣжалъ къ указанному шахомъ прохожему, прегриждалъ ему дорогу и, поставивъ передъ нимъ знамя, требовалъ, именемъ шаха, дани. Никто не отказывался и давалъ по мѣрѣ своихъ средствъ. Жертвователя пропускали, провожали съ триумфомъ, провозглашая его имя и сумму пожертвованія; шахскій казначей заносилъ имя въ списокъ, а деньги на приходъ. Такъ продолжалось до обѣда. Послѣ обѣда, шахи прогуливались по улицамъ, каждый въ своемъ владѣніи. При встрѣчѣ противниковъ случались легкія схватки между одними младшими. Днемъ генеральной битвы всегда бывалъ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста. Отъ понедѣльника на масляницѣ до субботы включительно, собиралась

порядочная казна. Въ воскресенье, по утрамъ, открывались переговоры между противными сторонами, отправлялись послы, которые, именемъ своихъ шаховъ, требовали дани или покорности. Съ обѣихъ сторонъ употреблялись при этомъ разныя хитрости: старались подкупить или переманить къ себѣ какой-нибудь отрядъ. Измѣны бывали, но рѣдко. Если какая-нибудь улица оставалась недовольною при дѣлѣ денегъ и считала себя обиженною шахомъ, то или измѣняла, или оставалась во время битвы нейтральною.

Въ воскресенье, послѣ полудня, оба шаха изъ верхней и нижней частей города имѣли торжественный выѣздъ за городъ: каждый выходилъ въ свою сторону за крѣпостныя ворота. Въ описываемый мною день, сраженіе назначено было на Сололагъ. Шахъ нашъ ѣхалъ верхомъ, окруженный своими сановниками, предшествуемый знаменами отъ каждой улицы. Въ головѣ колонны шли музыканты, играя на зурнахъ, бубнахъ, литаврахъ и большихъ оглушительныхъ трубахъ (*горотото*). Пѣсенники пѣли, съ подыгрываніемъ свирѣлей, военныя пѣсни; импровизаторы, вторя цимбаламъ, разсказывали народу о подвигахъ героевъ былаго времени. Впередѣ всѣхъ шли плясуны и скоморохи. Войско слѣдовало за шахомъ, неся съ собою провизію и напитки. Выйдя за городъ, воюющіе занимали тѣ стратегическіе пункты, откуда думали начать бой на другой день. Расположась другъ противъ друга, оба непріятельскіе стана пировали весь день и цѣлую ночь, но не пренебрегали и военными совѣщаніями, указывали мѣсто для защиты и нападенія, старались чрезъ лазутчиковъ узнавать о распоряженіяхъ непріятеля. Такъ какъ имена знаменитыхъ бойцовъ были извѣстны, то въ свѣдѣніяхъ настала крайняя необходимость, чтобы знать, кого и куда направить, и съ какими силами.

Въ понедѣльникъ повторялись тѣ же переговоры черезъ послдовъ и парламентаровъ часовъ до одиннадцати утра, съ тою цѣлю, чтобы дать зрителямъ время выйти за городъ и занять мѣста. Привлекательный и въ высшей степени своеобразный видъ представляли женщины, покрытыя ослѣпительной бѣлизны чадрами и длинными вереницами тянувшіяся по гребнямъ горъ. Живописная эта вереница придавала бодрость бойцамъ и возбуждала въ каждомъ изъ нихъ желаніе отличиться въ глазахъ той, которая слѣдила за нимъ.

Въ одиннадцать часовъ главнокомандующій, князь Циціановъ,

новъ, прїѣхалъ со свитою и сталъ между зрителями со стороны верхней части города на Сололигѣ. Каждый былъ увѣренъ, что бой будетъ отчаянный и что побѣда останется за верхнею частію, гдѣ присутствовалъ самъ главнокомандующій. Ждали съ нетерпѣніемъ сигнала къ началу боя.

„Наконецъ прекратились переговоры; зурна заиграла старинную боевую пѣсню о баснословномъ героѣ Корь-оглу; оглушительные звуки „горото“ возвѣстили начало битвы.

„Завязалъ бой мы, мальчики отъ нижней части города (*). Я выскочилъ впередъ вмѣстѣ съ другими и началъ дѣйствовать пращею, имѣя за поясомъ деревянную саблю, а на лѣвомъ плечѣ бурку для защиты. По мѣрѣ сближенія, противники вызывали другъ друга на сабли. Одинъ смѣльчакъ, прыгая передо мною и уклоняясь отъ моей пращи, вдругъ подскочилъ ко мнѣ; мы схватились и начали наносить другъ другу удары саблями. Противникъ мой былъ уже раненъ, и у меня самого разсѣчена губа, какъ вдругъ налетѣлъ мой отецъ, бывший въ числѣ зрителей и замѣтившій меня въ дракѣ. Намъ, ученикамъ новаго училища, запрещалось уходить на „криви“, и потому, къ величайшему моему огорченію, отецъ увелъ меня и хотѣлъ отослать домой; мнѣ удалось однако со слезами упросить его оставить меня въ числѣ зрителей. Тогда отецъ, обмывъ мнѣ кровь, перевязалъ своимъ платкомъ мою разсѣченную губу и, севъ на сдугу съ лошади, приказалъ мнѣ сѣсть на коня и оставаться при немъ. Я не покидалъ мѣста боя до конца, не обращая вниманія на боль отъ разсѣченной губы.

„Метаніе камней и рукопашныя схватки продолжались безъ рѣшительнаго перевѣса на чью-либо сторону. Повидимому, чего-то боялись и чего-то ожидали. Около часу пополудни, вдругъ у непріятеля поднялась тревога. отряды начали дигаться въ разныхъ направленіяхъ, а зрители, разбѣсившіеся по гребню горы, переходили въ противоположную сторону. Наши стали приготовляться къ общему нападенію и заняли всѣ приступы и тропинки, ведущія на вершину Сололакской горы. Причина тому была слѣдующая: шахъ нашъ отправилъ, въ полночь, секретно, одинъ отрядъ въ обходъ Сололакъ, верстъ за шесть, въ деревню Табахмелы. Отряду предписывалось выступить въ понедѣльникъ и къ двѣнадцати часамъ спуститься къ Сололакской горѣ во флангъ непріятелю, при чемъ на горѣ

(*) Кистурбани—нижняя часть города; Гаретубани—верхняя.

отъ Окроканы поставить лучшихъ пращниковъ для обстрѣливанія врага съ тыла.

„Едва стали показываться передовые люди обходнаго отряда на флангъ у непріятеля, младшіе воины уступили поле старшимъ, и послѣдніе начали приступъ къ горѣ. Пращники съ обѣихъ сторонъ вышли тысячами, осыпая другъ друга камнями словно градомъ; раненые отходили, а ихъ мѣста заступали люди все старше и старше. Рубились повсемѣстно, атакующихъ опрокидывали и сбрасывали съ горы; товарищи ихъ поддерживали и возстаивали равновѣсіе. Бой продолжался около часу съ переменнымъ успѣхомъ. Нижняя сторона успѣла одиноко утвердиться на половинѣ горы, укрываясь, по возможности, отъ летѣвшихъ сверху камней. Въ это время обходная колонна подошла по гребню и завязала бой на флангѣ. Верхняя сторона принуждена была ослабить себя высылкою лучшихъ бойцовъ своихъ противъ упоманутаго отряда.

„Вдругъ раздался ужасный крикъ; имена знаменитыхъ бойцовъ, провозглашаемыхъ тысячами, электризовали сражавшихся; оглушительные звуки зурны и трубъ раздавались по окрестности. Кипѣлъ жестокой бой; но дрались только на сабляхъ, не прибѣгая къ камнямъ, ибо по правиламъ „криви“, когда между знаменитыми бойцами начинается сабельная рубка, метаніе камней считается трусостию. Истоивъ всѣ усилія, верхняя сторона, вопреки общему ожиданію, принуждена была отступить. Воины нижней части заняли гору, и непріятель бѣжалъ внизъ по сололакскому ущелью.

„Князь Циціановъ, до котораго уже долетали пращные камни, принужденъ былъ также отбѣхать назадъ. Преслѣдованіе сдѣлалось всеобщимъ; бѣжавшихъ гнали по ущелью до самаго дворца главнокомандующаго, находившагося тогда на томъ же мѣстѣ, что и нынѣ, но внѣ города и окруженнаго садами и чистымъ полемъ. Для воспрепятствованія бѣглецамъ ворваться въ городъ, всѣ городскія ворота были заперты.

„Князь Циціановъ, со свитою и старѣйшими князьями, поскакалъ къ дворцу, слѣзъ съ лошади и вышелъ на балконъ смотрѣть, чѣмъ все кончится. Ему доложили, что причиною неудачи былъ самъ шахъ верхней стороны, который оскорбилъ знаменитаго своего бойца Саато, не давъ ему требовавшейся части денегъ. Обиженный Саато, со всѣми 40 или 50 лучшими людьми, рѣшился не принимать участія въ бою.

— „Вотъ онъ—говорили князю— сидитъ у подошвы горы св. Давида и подсмѣивается надъ шахомъ.“

„Князь Цициановъ потребовалъ Саато къ себѣ. Когда тотъ явился, главнокомандующій спросилъ, можетъ ли онъ возобновить битву и возстановить честь верхней части города отбитіемъ непріятеля. Приложивъ, по восточному обычаю, руку къ сердцу и отвѣсивъ поклонъ, Саато отвѣчалъ: „Богъ да продлитъ дни твои, князь: хотя шахъ обидѣлъ меня и моихъ товарищей, но ты теперь настоящій нашъ вѣждъ, и слова твои для насъ святы; повинуюсь тебѣ. Правда, со мною могъ бы состязаться одинъ только Шермазанъ съ нижней стороны, котораго я уважаю, но мнѣ донесено, что онъ и многіе другіе переранены или выбились изъ силъ, а насъ человекъ пятьдесятъ еще не вступали въ сраженіе. Полагаю, что если мы ударимъ дружно, то побѣдители не устоятъ. Я попрошу только четверть часа для передачи нашего приказанія моимъ товарищамъ.“

„Получивъ отъ князя Цицианова кошелекъ съ червонцами и сойдя внизъ, Саато объявилъ волю главнокомандующаго и велѣлъ товарищамъ только оберегать себя справа и слева отъ пращниковъ. „А съ переднимъ—сказалъ онъ—я и самъ управляюсь“.—Зурна заиграла побѣдную пѣсню „Коръ-оглу“; горотото протрубилъ начатіе боя. Народъ воскликнулъ: „Саато идетъ!... И вотъ Саато словно тигръ бросается то на того, то на другаго, разить своимъ сардачомъ. Сторонники нижней части кричатъ и кличутъ Шермазана, чтобы остановилъ Саато. Но Шермазанъ не является; войско его не устояло и обратилось въ бѣгство. Преслѣдуя врага по пятамъ, Саато взобрался почти уже до вершины Сололака и думалъ сбросить противниковъ въ оврагъ... Въ эту-то минуту пращникъ попалъ ему въ правый глазъ... Саато упалъ. Завязалась ожесточенная свалка: одни хотѣли унести своего предводителя, другіе не давали и бились упорно.“

„Къ мѣсту побоища подѣхалъ, верхомъ, князь Цициановъ. Онъ тотчасъ же разослалъ всю свою свиту и старыхъ князей съ приказаніемъ прекратить битву и отыскать того пращника, который, вопреки законамъ „криви“, дерзнулъ во время сабельной рубки вышибить камнемъ глазъ Саато. Бой прекратился. Саато остался живъ, но безъ праваго глаза; вѣроломнаго же пращника не нашли. Этотъ день обошелся безъ убитыхъ, ибо сраженіе происходило съ соблюденіемъ правилъ „криви“, за

исключеніемъ лишь единственнаго только-что упомянутаго случая. Немало, впрочемъ, было разрублено головъ, выбито глазъ, переранено лицъ и носовъ. Добыча была также значительна.“

Изъ дневника князя Давида Осиповича видно, что онъ предавался воинственнымъ играмъ со всѣмъ пыломъ юности; но это не помѣшало ему окончить съ успѣхомъ курсъ наукъ въ училищѣ. Кромѣ грузинскаго и армянскаго языковъ, онъ изучилъ основательно и русскій, входившій въ общее употребленіе. Отецъ предназначалъ его вначалѣ для гражданской службы, и въ 1810 году князь Давидъ опредѣленъ былъ въ тифлисскую казенную палату; но семнадцатилѣтній молодой человекъ скучалъ за переписываніемъ бумагъ; чиновничья сфера не удовлетворяла его пылкаго воображенія. Онъ только и слышалъ о военныхъ подвигахъ, которыми оглашалось тогда наше оружіе за Кавказомъ, при одновременной борьбѣ съ турками, персіянами и горцами. Старшій братъ его, князь Василій Осиповичъ, возвратился уже изъ Петербурга въ офицерскихъ званіяхъ и состоялъ при генералѣ Торماسовѣ. Наконецъ непріятный случай рѣшилъ судьбу князя Давида. Одинъ господинъ, занимавшій начальническій постъ, позволилъ себѣ обозвать молодого чиновника „грузинномъ-голопятымъ“. Князь Давидъ наказалъ дерзкаго собственноручно и бѣжалъ къ генералу Портнягину, шефу Нарвскаго драгунскаго полка, расположеннаго въ Тифлисѣ. Мольбы юноши тронули храбраго генерала: онъ взялся уладить дѣло съ родителями и успѣлъ въ этомъ безъ большаго труда, благодаря старинной дружбѣ съ отцомъ князя Давида.

Нарвскій драгунскій полкъ, въ которомъ князь Давидъ поступилъ юнкеромъ, незадолго передъ тѣмъ увѣнчался свѣжими лаврами: походъ 1808 года, въ которомъ Портнягинъ разбилъ наголову Гуссейнъ-хана на Араксѣ, доставилъ ему громкую репутацію. Генералъ Тормасовъ сдалъ въ то время главное начальство маркизу Пауллуччи. Съ Персією продолжались переговоры о мирѣ, и военныя дѣйствія происходили только на турецкой границѣ. Но въ самыхъ предѣлахъ Грузіи возникли народныя волненія, по прояскамъ приверженцевъ царевича Александра, который, удалясь въ Персію, все еще хлопоталъ о самостоятельности Грузіи. Съ этою цѣлію онъ всячески старался вредить утверженію русскаго владычества за Кавказомъ, то опираясь на помощь персіянъ, то возбуждая противъ насъ горцевъ. Такъ въ 1804 г. джарскіе лезгинны отказались

платить дань и заставили, по его наущенію, храбраго Гулякова вступить съ ними въ неравный бой въ Закатальскомъ ущельи, бой, памятный гибелью Гулякова и участіемъ въ немъ поручика Преображенскаго полка графа М. С. Воронцова (*). Самъ царевичъ, находясь подъ Эриванью съ персиянами, захватилъ транспортъ, сопровождаемый малочисленнымъ отрядомъ Монтезора, изъ котораго не спаслось ни одного человѣка.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ привести выдержку изъ бумагъ князя Д. О. Бебутова.

„Когда меня опредѣлили въ полкъ, 3-го іюня 1811 года, полкъ уже былъ на персидской границѣ и стоялъ лагеремъ въ урочищѣ Цопи, близъ мѣдныхъ заводовъ. Сюда и привезли меня (**). Тамъ стояли лагеремъ и другіе полки, и въ числѣ ихъ Херсонскій гренадерскій, въ которомъ братъ мой, Василій, служилъ баталіоннымъ адъютантомъ и шефомъ котораго былъ генераль-маіоръ Титовъ. Съ первыхъ же поръ не понравилась мнѣ лагерная стоянка, не понравился и толстый юнкерскій мундиръ, въ которомъ мнѣ было очень неловко, послѣ свободной и красивой грузинской одежды. Не могу и теперь себѣ отдать отчета, почему мнѣ грезилась какая-то лучшая доля, и почему я задумалъ бѣжать къ царевичу Александру. Однажды ночью, снявъ съ себя мундиръ и надѣвъ чуху, я пробирался ползкомъ по лагерю, но никакъ не могъ проскользнуть сквозь цѣпь. Между тѣмъ вѣрный мой дядька подстерегъ меня, схватилъ и привелъ къ брату, который за это порядкомъ надралъ мнѣ уши. Конечно, я образумился и занялся службою такъ усердно, что когда наши воротились на зимнія квартиры и наступило смутное время народнаго возстанія, я сталъ оказывать разныя услуги генералу Портнягину, находясь при немъ безсмѣнно. Я былъ единственнымъ въ полку человѣкомъ, знавшимъ грузинскій языкъ, и потому въ переговорахъ и сношеніяхъ съ туземцами былъ полезенъ правительству. Постараюсь, какъ очевидецъ, вратцѣ передать печальное время мятежа, вспыхнушаго зимою 1811—1812 годовъ

„Главнокомандующій, маркизъ Плулуччи, находился тогда для переговоровъ на персидской границѣ. Шефъ нашъ, генераль-Портнягинъ, былъ начальникомъ округа въ Кахетіи, и вся эта

(*) См. „Записки 1803—1806“. Сочиненіе Дубровина, стр. 376 и 377.

(**) Древнѣе заводы эти принадлежали князьямъ Аргутинскимъ. Работали на нихъ преимущественно греки.

область состояла подъ его вѣдѣніемъ. Въ то время Грузія платила подать натурою — хлѣбомъ. Годъ былъ неурожайный. Кахетія промышляетъ преимущественно винодѣліемъ; хлѣба производитъ очень мало. Генералу Портнягину вѣрно было требовать отъ жителей взноса всей подати, вмѣстѣ съ прошлогодними недоимками, безотлагательно, такъ какъ намъ предстояла война съ Персією. Жители затруднялись и отговаривались; но требованія повторялись грозно и настойчиво. Въ первый разъ прибѣгнуто было къ экзекуціонной системѣ. Со всѣхъ сторонъ отъ жителей посыпались жалобы на постояльцевъ-солдатъ, которые обращеніемъ своимъ оскорбляли стыдливость ихъ женъ и дочерей. Въ то же время народъ волновали тайные агенты царевича Александра, съ которымъ князь былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и ждалъ только его прибытія. Наши же войска были разбросаны по всей Кахетіи малыми отрядами на экзекуцію для сбора хлѣба. Тяготясь такимъ положеніемъ, жители деревень собирались ежедневно около своихъ церквей для совѣщаній о скорѣйшей выдачѣ хлѣба, чтобъ избавиться отъ принудительнаго погоя.

„Однажды въ деревнѣ Тіонеты народъ собрался около церкви. Вдругъ въ толпу вбѣгаетъ изступленная женщина, бросается на мужа, хватяетъ его шапку (папахъ), надѣваетъ на себя и, сбрасывая свое покрывало, накидываетъ на него, произнося громко: „Теперь ты жена, а я мужъ! Я обезчещена русскимъ и иду мстить за тебя!“ Съ этимъ словомъ она выхватываетъ у мужа книжалъ и бѣжитъ къ своему дому. Вся толпа ринулась за нею.... Офицеръ былъ заколотъ; команда перерѣзана. Народъ волновался. Команды рѣшились поднять знамя возстанія во всей Кахетіи и тѣмъ заставить другихъ послѣдовать примѣру тіонетскихъ жителей. Переносясь изъ деревни въ деревню, зачинщики угрозами заставили обывателей истребить всѣ экзекуціонныя команды. Менѣе нежели въ двое сутокъ пламя бунта вспыхнуло по всей Кахетіи; два города, Телавъ и Сигнахъ, защищенные малыми гарнизонами, подверглись осадѣ. Телавъ, какъ крѣпость, находившаяся близъ штабъ-квартиры нашего полка, отбилась, хотя и съ большою потерей, но въ Сигнахѣ комендантъ, всѣ чиновники и гарнизонъ были вырѣзаны. Та же участь постигла и 5-й эскадронъ нашего полка, съ командиромъ его, полковникомъ Маргиновымъ, расположенный въ шести верстахъ отъ насъ, въ деревнѣ Кагабети. Мар-

тыновъ успѣлъ однако прислать наканунѣ въ штабъ-квартиру полка штабартъ. Собрать въ штабъ, въ деревнѣ Сагареджо, остальныхъ людей изъ всѣхъ эскадроновъ, числомъ не болѣе 150. Портнягинъ очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Помощи онъ могъ ожидать только изъ Тифлиса, отстоящаго отъ Сагареджо верстахъ въ 90, а то не ранѣе, какъ черезъ три дня. Жители Сагареджо, хотя и оставались вѣрными, находились однако въ сильномъ безпокойствѣ; вооруженные съ головы до ногъ, они ожидали съ минуты на минуту прибытія мятежниковъ, въ головѣ которыхъ были уже многіе князья Кахетіи. На другой день, сагареджинскій кевха (старшина), со многими почетными жителями селенія, пришелъ къ Портнягину и принесъ ему письмо князя Кабулова, которымъ жители извѣщались, что вся Кахетія идетъ на нихъ, и что если сагареджане къ мятежникамъ не пристанутъ, то селеніе будетъ сожжено, а жители истреблены. Кевха спросилъ Портнягина, будетъ ли онъ ихъ защищать, или очистить деревню. Обывателямъ хотѣлось, чтобъ мы вышли изъ Сагареджо и тѣмъ избавили ихъ отъ неминуемаго разоренія; но генералъ на это не согласился, обѣщавъ ихъ защищать, хотя, какъ увидимъ, и не сдержавъ слова.

„Желанное подкрѣпленіе изъ Тифлиса не приходило, а между тѣмъ, мятежники могли нагнать каждую минуту. Въ деревнѣ укрѣпленій никакихъ не было, чтобъ пріютить довольно большой обозъ и лошадей. Драгунъ, какъ мы видѣли, собралось для защиты всего 150 человекъ, и потому придумали вотъ что: передъ домомъ Портнягина была довольно большая площадь, и ее-то обратили въ импровизованное укрѣпленіе, обставивъ со всѣхъ сторонъ мѣшками съ провіантомъ, которыхъ, къ счастью, нашлось около 3,000 въ провіантскомъ магазинѣ. Хотя такой редутъ и обстрѣливался изъ окружающихъ виноградниковъ и съ лѣсныхъ горъ, однако все же онъ могъ служить защитой въ ожиданіи подкрѣпленія. Въ оригинальнаго форта оставался обозъ и полковой лазаретъ. Вечеромъ того дня прискакали изъ Тифлиса два князя, посланные правительствомъ для образумленія жителей Сигнахскаго округа и для удержанія ихъ отъ мятежа. Это были князь Андрониковъ, пользовавшійся уваженіемъ, и кизикскій приставъ князь Джандіери. Ни этимъ князьямъ, ни намъ не было еще извѣстно о гибели сигнахскаго гарнизона. Генералъ узналъ отъ Андроникова и Джандіери, что на помощь къ намъ идетъ майоръ Бухвостовъ

съ двумя ротами и двумя орудіями, но что сами они, накормивъ лошадей, уйдутъ въ Сигнахъ и употребятъ всѣ усилія для усмиренія жителей. Генералъ предложилъ князьямъ взять свѣжихъ казенныхъ лошадей, при чемъ упросилъ Джандіери остаться при немъ до прибытія подкрѣпленія. Прибывшіе князья поселились въ домѣ кевхи, за двумя виноградными садами площадью. Меня пригласили туда ужинать. По обычаю грузинъ, вся деревня приносила имъ поочередно свои дары, состоявшіе изъ вареныхъ куръ, яицъ, сыра, жареныхъ барашковъ, поросятъ, хлѣба, вина и плодовъ. Народный глашатай (гзирі) стоялъ у дверей, провозглашая имена приносителей и предметы, ими приносимые. Князья отвѣчали: „Да обогатится приноситель! Садись!“ Крестьянинъ садился и клалъ на разостланной скатерти все, что принесъ съ собою. Такимъ образомъ, менѣе нежели въ полчаса, успѣлись вокругъ очага нѣсколько десятковъ человекъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Разумѣется, бесѣда шла о настоящихъ событіяхъ. Не всѣ оправдывали поступокъ тютетовъ. Многіе были того мнѣнія, что русскаго, оскорбившаго женщину, слѣдовало изрубить въ куски, но невинныхъ солдатъ не трогать; другіе говорили, что, можетъ быть, солдаты, защищая офицера, убивали жителей. Истинны никто не зналъ: рассказывали по догадкамъ и слухамъ. Между тѣмъ, трапеза шла самымъ патриархальнымъ образомъ: князья и поселяне ужинали вмѣстѣ. Виночерпій обошелъ уже разъ пять вокругъ компаніи; азарпеша (* переходила изъ рукъ въ руки; провизія, принесенная собесѣдниками, исчезала; разговоръ становился шумнѣе и оживленнѣе. Дверь помянуто отворялась; начали приходять новые посѣтители; они казались озабоченными. Вотъ явились двое грузинъ, сняли съ себя шапки и, ими же отеревъ съ лицъ своихъ потъ, подали кевхѣ записку. Кевха, прочитавъ, съ таинственнымъ видомъ передалъ ее князю Джандіери, большому другу моего отца, сидѣвшему рядомъ. Прочитавъ и возвративъ кевхѣ записку, Джандіери просилъ отвѣчать его именемъ князю Кабулову (посланцы были отъ него), чтобы онъ въ ту ночь не приходилъ, ибо русскіе собирались на завтра выступить, а совѣтовалъ не проливать напрасно крови, такъ какъ генералъ Портнягинъ будетъ упорно защищаться и Кабуловъ можетъ понести значительный уронъ въ людяхъ. Потомъ онъ наклонился ко мнѣ и сказалъ на ухо:

(* Сосудъ, изъ котораго пьютъ вино.

„Теперь пора тебѣ идти. Предупреди генерала, чтобъ въ эту ночь былъ остороженъ. Я знаю Кабулова: онъ можетъ меня не послушаться и вочью напасть врасплохъ. На здѣшнихъ жителей тоже разсчитывать нельзя; они не пойдутъ противъ мятежниковъ, а скорѣе присоединятся къ нимъ. Сейчасъ переведите больныхъ изъ лазарета, чтобы имѣть болѣе людей для защиты“. Джандіери далъ мнѣ двухъ проводниковъ. Я ушелъ и обо всемъ сообщилъ генералу Портнягину. Едва успѣли вывести больныхъ, какъ лазаретъ былъ подоженъ, а черезъ часъ послѣ того пришли и мятежники и цѣлую ночь стрѣляли въ насъ изъ садовъ и съ лѣсистыхъ горъ, но вреда причинить не могли, по причинѣ темноты. Перестрѣлка усилилась съ разсвѣтомъ; толпы мятежниковъ росли. Сагореджане хотя и оставались нейтральными, однако ожидали нашего выхода. Всѣ мы лежали подъ прикрытіемъ мѣшковъ, и кому нужно было переобъехать черезъ площадь, тотъ подвергался опасности быть подстрѣленнымъ. Утромъ Джандіери, по обѣщанію, пріѣхалъ къ генералу. Князь же Иванъ Андрониковъ, воспользовавшись казенными лошадьми, отправился въ Сигнахъ со своею свитою.

„По порученію генерала Портнягина, Джандіери нѣсколько разъ выѣзжалъ уговаривать мятежниковъ о прекращеніи перестрѣлки; но его не слушали, а князь Кабуловъ, въ присутствіи котораго между мятежниками никто не сомнѣвался, не хотѣлъ и показываться. Солнце перешло уже за полдень, а подкрѣпленіе не являлось. Въ это время у насъ раненыхъ было 25 человекъ и много лошадей. Наконецъ, часу въ третьемъ, послышались пушечный выстрѣлъ и барабанный бой. Всѣ вздрогнули отъ радости. Это былъ сигналъ маіора Бухвостова, спѣшившаго къ намъ на помощь. Съ приближеніемъ сикурса, мятежники начали оставлять сады и лѣсъ; перестрѣлка прекратилась.

„Когда Бухвостовъ пришелъ изъ Тифлиса въ деревню Патрдазулъ, то на военномъ совѣтѣ положили оставить селеніе и отступать къ Тифлису. Причина та, что чрезъ одного гонца получено было извѣстіе изъ Телава, что маіоръ Есиповъ, отправленный съ 200 пѣшихъ драгунъ на помощь городу, успѣлъ пробиться въ крѣпость съ большою потерю, при чемъ самъ лишился жизни, но что гарнизонъ надѣется выдержать осаду въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Тотъ же гонецъ принесъ извѣстіе, что мятежники, обложивъ крѣпость, намѣрены въ числѣ 15,000 атаковать насъ завтра, уничтожить и направиться на Тифлисъ.

„Тотчасъ распорядились о выступленіи; всѣ тяжести были сожжены, и мы вышли въ полночь не по большой дорогѣ, гдѣ сторожили насъ мятежники, а въ обходъ лѣсомъ, къ переправѣ черезъ рѣку Юру, на Азамбургъ. Хотя мы тщательно скрывали свое отступленіе, однако мятежники замѣтили и всю ночь преслѣдовали насъ ружейными выстрѣлами. Жители Сагореджо присоединились къ нимъ. Князь Джандіери ночью усакавалъ въ Сигнахъ, на помощь своему семейству.

„Драгуны шли пѣшіе, ведя въ поводу лошадей, которыхъ у насъ было четверо болѣе, нежели людей, по причинѣ потери и командировокъ. Мы слѣдовали по дорогѣ. Пѣхота прикрывала нашъ тылъ и фланги; тѣмъ не менѣе, мы теряли людей убитыми и ранеными. Шли всю ночь. Передъ разсвѣтомъ, на подъемѣ горы Азамбургъ, наша колонна, не знаю почему, остановилась. Не спавши двое сутокъ и пройдя веретъ двадцать пѣшкомъ со штандартомъ въ рукахъ, я изнемогалъ отъ усталости. Едва колонна остановилась, какъ я прилежъ въ сухой канавѣ и, положивъ возлѣ себя штандартъ, заснулъ богатырскимъ сномъ. Долго ли я спалъ, не знаю, но меня разбудилъ близкій пушечный выстрѣлъ. Раскрывъ глаза и не видя своей колонны, я испугался какъ за себя, такъ еще болѣе за лежавшій возлѣ меня штандартъ. Стояло проспать мнѣ не болѣе нѣсколькихъ линнихъ минутъ, и арьергардъ прошелъ бы мимо, не замѣтивъ меня въ канавѣ. Мнѣ предстояло бы или быть убитымъ преслѣдовавшими насъ бунтовщиками, или попасться въ плѣнъ со штандартомъ. Я не боялся смерти, но меня мучила мысль, что меня, какъ туземца, могли заподозрѣть въ изменѣ. Схвативъ штандартъ, я пустился бѣгомъ догонять колонну и когда услышалъ впереди брячаніе сабель, то еще прибавилъ шагу, подкрѣпляемый увѣренностію, что избавился отъ опасности. Заря уже занималась, когда я присоединился къ товарищамъ. Подойдя къ дежурному по полку, поручику Рудневу, я сказалъ, что если могли забыть меня, то какъ не замѣтили отсутствія штандарта. Рудневъ спрашивалъ не говорить о томъ никому, но едва онъ успѣлъ окончить фразу, какъ началъ убиты наповалъ выстрѣломъ изъ кустарника.

„Пройдя гору и деревню Сартягали, мятежники перестали насъ преслѣдовать, и мы безпрепятственно направились къ Тифлису, терпя однакожъ голодъ и жажду. Переночевавъ недалеко отъ монастыря въ степи, мы прибыли въ Тифлисъ на другой

день, къ вечеру. Отецъ мой управлялъ тогда дистанціонными татарами и удерживалъ ихъ въ повиновеніи, а братъ Василій, состоя адъютантомъ при маркизѣ Паулуччи, находился съ генераломъ на персидской границѣ.

„Между тѣмъ, въ Тифлисъ сформировали отрядъ, подъ командою полковника Загряжскаго, для встрѣчи мятежниковъ, преслѣдовавшихъ насъ и шедшихъ къ Тифлису. Они должны были, по свѣдѣніямъ, ночевать въ деревнѣ Лило, въ 16 верстахъ отъ Тифлиса, и потому полковникъ Загряжскій имѣлъ выступить въ ту же ночь, на разсвѣтѣ напасть на бунтовщиковъ, разбить, преслѣдовать и двинуться на Телавъ для освобожденія этого города и для усмиренія края. Съ другой стороны Кахетія, вѣдѣно было генералу князю Орбельяну, съ отрядомъ пѣхоты и Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, изъ Царскихъ Колодцевъ слѣдовать на Сигнахъ, усмирить окрестность и пройти вверхъ также до Телавы.

„Не успѣлъ я повидаться съ матерью, какъ явился ординарецъ звать меня къ Портнягину. У генерала я засталъ полковника Загряжскаго. и тутъ же, у дома, стоялъ отрядъ, готовый къ выступленію. Живю помню слова генерала, съ которыми обратился онъ ко мнѣ. „Правительство увѣрено въ преданности вашего семейства—сказалъ онъ — братъ твой адъютантомъ у главнокомандующаго, а ты состоишь при мнѣ, и мы съ отцомъ твоимъ очень дружны. Намъ необходимъ вѣрный человекъ. Ты знаешь грузинскій языкъ и всѣ дороги въ Кахетію: будь вожатымъ отряда полковника Загряжскаго и вмѣстѣ его переводчикомъ. Сходи къ майору Котыреву, чтобы онъ далъ тебѣ лучшую лошадь, а другую подь вьюкъ, и тотчасъ явись къ полковнику.“ Генералъ позволилъ мнѣ проститься съ матерью, но строго запретилъ говорить, куда готовилась экспедиція. Тогда я обратился къ полковнику Загряжскому и сказалъ, что если бы я замѣшвался и отрядъ успѣлъ бы безъ меня пройти Авлабарскія ворота, то не держать пути по большой дорогѣ направо, ибо это значило бы дать кругу, но слѣдовать все прямо по тропинкѣ, гдѣ не встрѣтятся никакихъ препятствій. Не прошло и часа, какъ я уже скакалъ за отрядомъ. Прибывъ къ воротамъ, я не преминулъ, къ счастью, спросить у часоваго: въ какую сторону пошелъ отрядъ? Онъ указалъ мнѣ именно на ту, какой я не совѣтовалъ. Я поспежалъ въ карьеръ и, догнавъ отрядъ верстъ за пять, доложилъ

полковнику, что если бы по этой дорогѣ идти даже безъ отдыха, то въ деревню Лило нельзя прибыть раньше, какъ въ десять часовъ утра. Загряжскій приказалъ вывести отрядъ на ближайшую дорогу. Хотя ночь была темная, однако я воротилъ отрядъ и, наблюдая за направлениемъ известной мнѣ сухой канавы, успѣлъ выйти на кратчайшую дорогу. Тѣмъ не менѣе, мы потеряли уже часа два времени, такъ что совсѣмъ разсвѣло, когда мы подошли къ подошвѣ лилойской горы, съ высоты которой тотчасъ же и были открыты. Не дождавшись нашего прихода, мятежники отступили въ деревню Марткопи и заняли въ лѣсу выгодныя позиціи.

„Послѣ отдыха около трехъ часовъ, мы пошли выбивать непріятеля изъ лѣсу. Бунтовщики недолго защищались, отступили за рѣку Іору, разиѣстились въ деревняхъ Хашмѣ, Карабулагѣ, Патардзеулѣ и заняли горныя хребты. Отрядъ нашъ пришелъ въ деревню Сартигали на правомъ берегу горы. Мятежниками предводительствовали многіе кахетинскіе князья, и въ числѣ ихъ князь Отаръ Кобуловъ и Бордзимъ Черкезишвили.

„На другой день, утромъ, полковникъ Загряжскій послалъ грузинскаго священника и князя Вачнадзе уговаривать мятежниковъ разойтись по домамъ, за что имъ обѣщано прощеніе; въ противномъ случаѣ грозили карою. Бунтовщики отвѣчали, что, пока живы, не пропустятъ ни одного русскаго чрезъ Іору. Рѣка въ то время была мелка и представляла удобные переходы въ бродъ для пѣхоты.

„Приготовясь къ наступленію, мы начали обстрѣливать берегъ. Затѣмъ колонны перешли чрезъ рѣку, доказавъ мятежникамъ, что они не въ состояніи были остановить насъ. Лишь только мы переправились черезъ Іору, непріятельскія силы раздѣлились: часть пошла вправо, а другая влѣво къ деревнямъ Карабулагу и Хашмѣ. Послѣдняя деревня представляетъ крѣпкую позицію; она обрѣжена виноградными садами и лежитъ у самаго входа въ ущелье, ведущее на Гомборы къ Телаву.

„Несмотря на упорную оборону, Хашма была взята приступомъ. Мы преслѣдовали бѣжавшихъ бунтовщиковъ. Отрядъ расположился между садами, занявъ высоты и входъ въ ущелье.

„Во время приступа, вышелъ изъ монастыря архимандритъ съ крестомъ и евангеліемъ молить полковника о пощади мо-

настыря и деревни. Загряжскій принялъ архимандрита весьма сурово и въ пылу гнѣва приказывалъ мнѣ переводить такіе неприличные грубости, что мнѣ казалось невозможнымъ передавать ихъ почтенному старцу и духовной особѣ. Видя гнѣвное лицо полковника, архимандритъ спрашивалъ меня о причинѣ его гнѣва. Я не нашелъ ничего лучшаго, какъ отвѣчать, что полковникъ „нехристь“ и не можетъ видѣть креста и евангелія. Архимандритъ удалился въ свой монастырь и заперъ ворота. Въ этотъ день взяты были въ плѣнъ пять мятежниковъ и приговорены къ смерти. Казнь ихъ, чрезъ повѣшеніе, имѣла совершиться на слѣдующее утро.

„Предъ разсвѣтомъ къ отряду прибылъ главнокомандующій, маркизъ Паулуччи, со многими знатнѣйшими князьями, въ числѣ которыхъ находились: Вахтангъ Орбеліянь, зять грузинскаго царя, Моуравъ Орбеліянь, извѣстный подъ общимъ названіемъ Потемкина, Александръ Чавчавадзе, первый помѣщикъ Кахетіи, и другіе. Съ маркизомъ пріѣхалъ и адъютантъ его, братъ мой Василій.

„По прибытіи главнокомандующаго, явился архимандритъ и выпросилъ помилованіе осужденнымъ на смерть. На несчастныхъ петли уже были накинута; еще минута, и ихъ вздернули бы на висѣлицу. Въ этотъ моментъ приближалъ братъ Василій и объявилъ прощеніе. Приговоренные не вѣрили такой милости и урищивали не мучить ихъ: когда же имъ развязали глаза, руки и ноги и сняли съ подмостковъ, радость ихъ была неописанна.

„Прошелъ день въ разныхъ приготовленіяхъ. Раненыхъ и больныхъ велѣно было отправить въ Тифлисъ, съ приличнымъ конвоемъ, и какъ я былъ уже не нуженъ при отрядѣ, то мнѣ приказали проводить транспортъ и оставаться въ полку, что я исполнилъ охотно.

„Командованіе отрядомъ принялъ самъ главнокомандующій. Къ началу ноября, послѣ многихъ стычекъ съ мятежниками, Кахетія была усмирена. Послѣдніе упориве всего защищались въ Велисихъ. Тутъ былъ убитъ князь Вахтангъ Орбеліянь и раненъ князь Александръ Чавчавадзе.

„Многіе князья, въ томъ числѣ Отаръ Кобуловъ и Бардаимъ Черкезишвили, были арестованы и отправлены въ Россію.“

Въ это же время одинъ изъ царевичей, хромой Григорій, забытый правительствомъ и считавшійся неспособнымъ, жилъ

между пшаво-хевсурскими племенами въ Кахетіи. Теперь и на него пало подозрѣніе: онъ былъ взятъ и отправленъ въ Петербургъ. Для сопровожденія этого царевича назначенъ былъ князь Василій Осиповичъ Вебутовъ, который, замѣтимъ мимоходомъ, потерялъ, по случаю снѣжнаго завала близъ Казбека, свои вьюки и вещи.

Нарвскій полкъ, разстроенный потерей офицеровъ, людей и лошадей, стоялъ на бивуакахъ въ урочищѣ Гартискаро, въ 25 верстахъ отъ Тифлиса, недалеко отъ Мцхета, древней столицы Грузіи.

Въ пограничныхъ съ Турціею деревняхъ свирѣпствовала страшная чума и весною 1812 года проникла въ Тифлисъ.

„Когда нашему полку — рассказываетъ князь Давидъ Осиповичъ — велѣно было выступить на кавказскую линію, я отправился въ Тифлисъ проситься съ родителями, не зная, что тамъ уже свирѣпствовала зараза. Каково же было мое удивленіе, когда, подѣхавъ къ дому, я нашелъ двери глухо запертыми. На сильный стукъ мой отозвалась наша старуха Нина: она печальнымъ голосомъ объявила мнѣ, что въ домѣ чума, что всѣ родные переселились въ садъ (*), а ее оставили присматривать за больнымъ денщикомъ брата Василія. Не успѣлъ я удалиться отъ двери, какъ меня обступили городскіе десятички и, держась поодаль, спрашивали, заходитъ ли я въ домъ. На отрицательный отвѣтъ мой мнѣ объяснили, что это мое счастье, но что, во всякомъ случаѣ, мнѣ необходимо было идти въ карантинъ. „Васъ тамъ обкурятъ — прибавили они — и вы можете видѣться съ родными.“ Въ карантинѣ пришлось мнѣ раздѣться донага. Окурили не только меня, но и всѣ мои вещи и отпустили уже подъ вечеръ.

„Не стану описывать краткаго и грустнаго свиданія съ родными, съ которыми предстояла мнѣ долгая и первая серьезная разлука. Теперь для грузина выѣздъ по сю сторону Кавказа не представляетъ ничего необыкновеннаго; но въ то отдаленное время подобное путешествіе, да еще на неопредѣленный срокъ, въ страну неизвѣстную, имѣло другое значеніе. На другой же день, получивъ благословеніе матери и на дорогу три рубля и одну шубейку на бѣличьемъ мѣху, я отправился въ полкъ, а затѣмъ и въ походъ въ Россію.

(*) Сады въ Тифлисъ по большей части за городомъ, и въ нихъ жители проводятъ дни лѣтомъ; пиры устраиваются тоже въ садахъ.

„Мы вышли въ маѣ мѣсяцѣ изъ Гартискаро по военно-грузинской дорогѣ на Владикавказъ. Весь подъемъ и спускъ, однимъ словомъ весь путь отъ Душета до Ларса — сплошная панорама самыхъ живописныхъ, величественныхъ видовъ. Описывать ихъ не берусь: всякое описаніе показалось бы блѣднымъ предъ роскошными и грозными красотами природы. Могу только сказать, что, несмотря на привычку видѣть горы, какъ изъ самаго Тифлиса, такъ и южный склонъ хребта изъ Кахетіи, я, вступивъ на военно-грузинскую дорогу, на каждомъ шагу былъ поражаемъ необыкновенными картинами. Особенно подѣйствовало на меня перевалъ чрезъ цѣпь Кавказа, когда изъ поэтической Кайшаурской долины, утопанной въ цвѣтахъ и зелени, мы чрезъ Гуть-гору и Крестовую очутились въ царствѣ вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ зачастую въ юнѣ подымается такая мятель, что зги не видно. Прибывъ на ночлегъ въ деревню Казбекъ, въ Дарьяльскомъ ущельи, я вспомнилъ, что владѣлецъ ея и окрестныхъ горъ, князь Георгій, уведомилъ отца моего объ отысканіи вещей брата Василя, оставшихся подъ снѣжнымъ заваломъ, и что вещи хранились у него. Я отправился къ князю Георгію взять бѣлье и нѣсколько офицерскихъ вещей, которыя мнѣ пригодились впоследствии, и, такимъ образомъ, пополнилъ свой скудный гардеробъ.

„Нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ о селеніи Казбекъ. Оно лежитъ надъ Тереконъ, который здѣсь еще довольно скромнень, хотя и ворочаетъ съ шумомъ огромные камни; но какъ разъ насупротивъ деревеньки, будто въ нѣсколькихъ шагахъ, встаетъ одинъ изъ всемірныхъ горныхъ великановъ „Казбекъ“: онъ, въ видѣ сахарной головы, уносится въ небо и рѣдко бываетъ видимъ, ибо вершина его постоянно закутана облаками. Только на утренней зарѣ можно видѣть его во всей красѣ, когда въ горахъ еще царствуетъ полумракъ, а его вершина свергаетъ отъ лучей солнца непередаваемыми переливами... Кто хотя разъ любовался подобною картиною, тотъ никогда ее не забудетъ. Тутъ же, на маломъ Казбекѣ, есть церковь, воспѣтая впоследствии Пушкинымъ подъ заглавіемъ „Монастырь на Казбекѣ“ и къ которой относится поэтическое окончаніе стихотворенія:

„Туда бѣ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ“.

По прибытіи на линію для князя Д. О. все было ново.

Здѣсь же въ первый разъ онъ увидѣлъ раковъ, которыхъ съ жадностію ѣли его товарищи, но на которыхъ онъ не могъ смотрѣть безъ тошноты, какъ и всякій закавказецъ.

Весь 1812 годъ Нарвскій полкъ простоялъ на линіи и участвовалъ въ постоянныхъ схваткахъ съ горскими хищниками. Штабъ-квартира полка была въ Георгіевскѣ, тогда областномъ городѣ. Два эскадрона расположились по линейнымъ станицамъ, три около Георгіевска и въ селеніяхъ по рѣкѣ Кумѣ.

Здѣсь случился эпизодъ, надѣлавшій въ свое время шума на Кавказѣ. Въ запискахъ князя Бебутова онъ разсказанъ слѣдующимъ образомъ:

„Весною 1812 года въ Георгіевскѣ пріѣхалъ офицеръ въ мундирѣ конно-гвардейскаго полка, именовавшій себя поручикомъ Соковиннымъ и адъютантомъ министра полиціи Балашева. Являсь къ генералу Портнягину, офицеръ представилъ открытое предписаніе, по которому высочайше дозволялось ему сформировать, посредствомъ вербовки, полкъ изъ черкесовъ и слѣдовать съ этимъ полкомъ къ главной арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона. Въ силу открытаго предписанія, начальство обязывалось оказывать Соковинну всякое пособіе и выдавать деньги по востребованію. Все было обставлено такъ ловко, что всякое подозрѣніе въ подлогѣ казалось невозможнымъ. Прекрасная наружность гвардейца и отличное образованіе обворожили всѣхъ. Дѣло пошло быстро впередъ. Вербовка подвигалась съ большимъ успѣхомъ: около 400 наѣздниковъ были готовы къ выступленію въ походъ. Но и самый искусный обманъ рѣдко удается. Соковиннъ, оказавшійся ловкимъ плутомъ, не доигралъ своей роли до конца. Однажды онъ потребовалъ такую значительную сумму, что казначейство не могло удовлетворить его (*). Начальство рѣшило отнестись съ вопросомъ въ Петербургъ: откуда взять денегъ для Соковинна? Отвѣтъ пропозвелъ невообразимую суматоху въ городѣ. Изъ Петербурга уведомили, что Соковиннъ самозванецъ, ни отъ кого никакихъ порученій не имѣлъ и что его слѣдуетъ отправить немедленно въ столицу подъ арестомъ. Всѣхъ поставило втупикъ то обстоятельство, что на вопросы, дѣлаемые до того министру полиціи по дѣлу Соковинна, получались самые удовлетвори-

(*). Онъ потребовалъ 10,000 р. не изъ казначейства, а изъ казенной кассы. Объ этомъ подробно разсказано у Дебу, въ его сочиненіи „О кавказской линіи“, изд. 1829 г., стр. 178—184.

тедные отвѣты. Недоумѣніе это объяснилъ самъ Соковнинъ, при его арестованіи, на печерѣ у полковника Дебу, командира Кабардинскаго полка: взявъ перо, онъ началъ подписываться за государя и министровъ такъ искусно, что всѣ знавшіе подписи удивлялись неподражаемому сходству. Соковнинъ объяснилъ еще, что онъ зналъ о всѣхъ бумагахъ, писанныхъ по его дѣлу, и что всѣ онѣ исчезали на одной изъ промежуточныхъ станцій. Отвѣты, имъ самимъ сочиненные, сдавались на ту же станцію и получались въ Георгіевскѣ за чистую монету. На этотъ разъ онъ прозвѣвалъ почту и не могъ остановить бумаги, которою испрашивалось разрѣшеніе изъ Петербурга о выдачѣ ему денегъ. Соковнинъ хладнокровно объявилъ, что знаетъ, какая ждала его судьба, но прибавилъ: „Не теряю однакожь надежды на возможность оправданія, ибо намѣреніе мое было честно: я хотѣлъ услужить отечеству въ смутныя времена и ничего не дѣлалъ противъ своей совѣсти. У меня не было никакой своекорыстной цѣли: вы сами видѣли, кому и когда я выдавалъ деньги. Наконецъ, меня легко повѣрить: черкесы готовы къ походу, и я совѣтывалъ бы не распускать ихъ“. Несмотря на подобныя аргументы, онъ былъ закованъ, и за сѣдатель Яковлевъ повезъ его въ Петербургъ. Впоследствии слухи объ этомъ происшествіи были заглушены важными событіями отечественной войны, и дальнѣйшая судьба Соковнина мнѣ неизвѣстна.“

Для князя Д. О. 1812 годъ имѣлъ особое значеніе: въ концѣ этого года онъ былъ произведенъ въ офицеры. Понятенъ восторгъ молодого человѣка, надѣвшаго эполеты, которые дороги вновь произведенному не потому, что они красивы, но оттого, что съ ними прекращается вся тяжесть юнкерской службы и молодой человѣкъ становится лицомъ самостоятельнымъ. Событіе это имѣло гораздо сильнѣйшее вліяніе на молодого князя: онъ уже привыкъ къ саужбѣ; стоя на линіи, которая была отличною школою для военнаго человѣка, онъ сроднился съ солдатскимъ бытомъ, постоянно бывалъ между солдатами во всѣхъ командировкахъ: и въ погонѣ за хищниками, и въ караулѣ, и на пастбищѣ, и на сѣнокосѣ, и на фуражировкахъ, и въ лѣсахъ за дровами, и въ угольной командѣ. Вскорѣ по производствѣ князь Д. О. въ офицеры, генералъ Портнягинъ взялъ его къ себѣ въ безсмысленныя ординарціи. Между тѣмъ, получено было предписаніе отправить Нарвскій

полкъ въ кавалерійскіе резервы, сформировавшіеся, подъ командою генерала-отъ-кавалеріи Кологривова, въ Врестъ-Литовскѣ. Генералу Портнягину предписано было сдать полкъ Татарскаго уланскаго полка полковнику Улану 4-му, лечившемуся тогда на водахъ въ Пятигорскѣ.

По укомплектованіи полка людьми и лошадьми, драгуны выступили изъ Георгіевска къ мѣсту назначенія въ іюль 1813 года. Всѣ горѣли желаніемъ сразиться съ французами, и, конечно, вновь произведенный припорщикъ одинъ изъ первыхъ.

Въ запискахъ князя Бебутова, полковникъ Уланъ 4-й, происхожденіемъ польскій татаринъ, обрисованъ человѣкомъ слабаго здоровья, чрезвычайно скупымъ, вспыльчиваго и раздражительнаго характера и весьма ревнивымъ, какъ мужъ пригожей польки и какъ татаринъ.

Князь Д. О. состоялъ въ лейбъ-эскадронѣ и командовалъ первымъ взводомъ.

Когда полкъ шелъ по линіи, то на каждомъ ночлегѣ, по приходѣ на бивуакъ, всѣ лошади выпускались въ табуны на подножный кормъ. Для присмотра за табунами назначался отъ полка одинъ офицеръ и отъ каждаго эскадрона по одному унтеръ-офицеру и по десяти драгунъ. Къ семи часамъ утра табуны пригонялись на бивуакъ, лошади разбирались, сдѣланы, и полкъ выступалъ дальше.

„На одномъ изъ такихъ ночлеговъ, близъ станціи Кагальника—рассказываетъ князь—мнѣ пришлось быть дежурнымъ по табунамъ. Каждый эскадронъ пасся особо. Наступила ночь, набѣжали тучи, и разразилась страшная гроза. Табуны были каждый въ особой кучѣ, и ихъ сторожили конные драгуны. Вдругъ, послѣ одного ужаснаго громаго удара, всполошился табуны 3-го эскадрона. Каждому, кто видѣлъ табуны въ степи, извѣстно, что нѣтъ силы, которая могла бы удержать шаркнувшійся табуны, пока онъ самъ не остановится; надобно только не терять его изъ вида. Караульные драгуны слѣдовали за табуномъ до тѣхъ поръ, пока слышали конскій топотъ; но вскорѣ, при раскатахъ грома и при непроницаемой темнотѣ, лошади скрылись въ необозримой степи. Разсвѣло. Команды, посланныя для отысканія табуна, пригнали лошадей, но не всѣхъ. Между тѣмъ, наступила пора являться съ рапортомъ, и я долженъ былъ донести о приключеніи и о недостаткѣ лошадей. Полковникъ разразился гнѣвомъ, обвинялъ

меня въ нерадѣніи и грозилъ судомъ, если не отыщется пропавша. Азіятская кровь закипѣла во мнѣ отъ подобной несправедливости: меня такъ и подмывало отвѣчать, что я драгунскій прапорщикъ, а не всецѣльное существо, которое можетъ останавливать удары грома и не допускать лошадей до испуга; но я вспомнилъ, что эскадронный командиръ предупредилъ меня не возражать полковнику, если онъ разсердится. Я отвѣчалъ только, что готовъ ѣхать на поиски. Мнѣ дали четырехъ драгунъ, и я отправился рыскать по всѣмъ косякамъ. Цѣлыхъ два дня блуждалъ я по степямъ Черноморья; наконецъ въ одномъ косякѣ драгуны признали полковыми нѣсколько лошадей, и я, погнавъ весь косякъ, настигъ полкъ на третьемъ переходѣ. По разборѣ лошадей оказалось семнадцать лишнихъ. Чьи это были лошади, не знаю; знаю только, что всѣ онѣ остались у полковника, а я чрезъ это попалъ къ нему въ большіе фавориты.⁴

По переходѣ чрезъ Донъ въ Аксаѣ, полкъ имѣлъ ночлеги не на бивуакахъ, а въ селеніяхъ; лошади продовольствовались сухимъ фуражемъ; люди получали пищу отъ жителей по квартирамъ. Походъ не отличался ничѣмъ особенно замѣчательнымъ; но князь Д. О. заносить въ свой дневникъ все, что хоть сколько-нибудь выходило изъ нормальной сферы.

„Полковникъ нашъ—говоритъ онъ—у котораго я прослылъ исправнымъ офицеромъ, за пригонъ косяка лошадей, вздумалъ нарядить меня полковымъ квартирьеромъ. Имѣя въ командѣ восемь унтеръ-офицеровъ и двадцать пять драгунъ, я исполнилъ эту обязанность до самаго Кобрина, гдѣ остановился полкъ и гдѣ находились резервы.

„Не легка была обязанность квартирьера: намъ надлежало выступать по расквартированіи полка, и потому выступали мы всегда по ночамъ. Цѣлый день, до прихода полка, нужно было заниматься назначеніемъ квартиръ для офицеровъ, какъ штабныхъ, такъ и всѣхъ эскадроновъ; кромѣ того приискивать фуражъ и заготовлять подводы. Тяжелѣе всего было угодить каждому квартирою. Всѣ требовали хорошаго помѣщенія, но никто не входилъ въ наше положеніе, никто не хотѣлъ подумать, что мы были въ непрерывныхъ попыхахъ и не имѣли даже времени выспаться какъ слѣдуетъ.

„На продовольствіе моей команды не отпускалось ни одной копѣйки; фуражъ вѣдно было требовать отъ обывателей, и

только по приходѣ полка полковой квартирмейстеръ расплачивался за все разомъ. Это было одно изъ самыхъ тягостныхъ условій моей обязанности: возникали непрерывныя жалобы и затрудненія. Казалось, что я всегда заготовлялъ фуражъ въ достаточномъ количествѣ; но эскадронные командиры и даже драгуны роптали на его недостаточность. Подобная система продовольствія была причиною, что лошади видимо начали извуряться, и полкъ нашъ можно было отыскать по слѣдамъ павшихъ лошадей. Пока мы шли по Новороссійскому краю, по слободской Украинѣ и по Малороссіи, я еще фуражировалъ для своей команды кое-какъ, но серьезныя бѣдствія и затрудненія встрѣтилъ въ Бѣлоруссіи, край бѣднымъ, истощенномъ войсками, постоянно здѣсь квартировавшими и переходными. Я однако никогда и ни на что не жаловался, а старался только угождать полковнику сухими и теплыми квартирами. Каждый день, разумѣется, я имѣлъ случай видѣть и прекрасную полковницу. Она ласкала меня и каждый разъ, по прибытіи на ночлегъ, когда я высаживалъ ее изъ кареты, подавала мнѣ руку, чтобъ я проводилъ ее до комнатъ. Полковница постоянно оставалась довольна моими услугами; я, въ свою очередь, старался исполнять малѣйшее ея желаніе, и хотя товарищи подсмѣивались надъ моимъ ухаживаніемъ, но я то же самое сдѣлалъ бы и для всякой хорошенькой и любезной женщины.

„Однажды въ городѣ Рѣчицѣ (*) я искалъ удобной и теплой квартиры собственно для полковницы, которая, страдая простудою, желала имѣть порядочное и отдѣльное помѣщеніе. Городничій не захотѣлъ отвести квартиры, которую я выбралъ, Пошли споры. Я настаивалъ, но напрасно. Въ простотѣ души и незнакомый съ условіями европейскаго гражданскаго быта, я считалъ своего полковника всемогущимъ и, зная его характеръ, былъ увѣренъ, что онъ защититъ меня, если употреблю насиліе. Недолго думая, я приказалъ унтеръ-офицеру Сабельникову сломать замки и очистить комнаты. Драгуны мои немедленно отворили всѣ двери, выбросили изъ квартиры разную рухлядь, и помѣщеніе для полковницы было готово. Въ эту минуту налетѣлъ исправникъ, началъ горячиться, съ грубостію отказывалъ мнѣ во всѣхъ моихъ требованіяхъ, однако же не взялъ обратно квартиры, въ которой я, такъ сказать, укрѣпился. Имѣя свой взглядъ на чиновничество, со времени

(*) Могилевской губерніи.

моего приключенія въ тифлисской казенной экспедиціи, я чувствовалъ неодолимое желаніе покодотить и исправника; но благоразуміе одержало верхъ: я рѣшился лучше пожаловаться полковнику. Я зналъ, что у нашего полковата командира правъ бывалъ тотъ, кто первый пожаловался. Разсчитавъ по времени о скоромъ прибытіи полка, я, несмотря на сильный морозъ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ на встрѣчу полковнику за четыре версты отъ Рѣчицы, въхавшему съ женою въ каретѣ. Экипажъ остановился. Не успѣлъ я отплатить, какъ полковница воскликнула: „Ахъ любезный князь! вы ознобили себя носъ“. По просьбѣ жены, полковникъ пригласилъ меня въ карету. Я тотчасъ же сѣлъ съ коня, котораго отдалъ драгуну, и усѣлся насупротивъ прелестной полковницы. Она немедленно начала оттирать мнѣ носъ своею вѣжкою ручкою, не разъ прикасалась къ моимъ щекамъ, и признаюсь, это прикосновеніе возбудило во мнѣ самую быструю циркуляцію крови. Первымъ вопросомъ полковника было: есть ли фуражъ и хороши ли квартиры? Разсказавъ всѣ подробности пріобрѣтенія насильственнымъ образомъ квартиры, я не преминулъ доложить, что исправникъ не только не оказывалъ мнѣ никакого пособія, но напротивъ отказывалъ во всемъ и называлъ весь полкъ „разбойниками“. Полковникъ вспыхнулъ; на губахъ его начала показываться пѣна... Я прибавилъ, что исправникъ, вѣроятно, будетъ на меня жаловаться, и просилъ защиты. „Хорошо—сказалъ полковникъ—увидимъ, что это за звѣрь исправникъ!“

„По прибытіи въ городокъ, я ввелъ полковницу въ приготовленное помѣщеніе, но не долго оставался съ нею, а поспѣшилъ къ полковнику и сталъ у двери его комнаты, по которой онъ взадъ и впередъ ходилъ молча большими шагами. Тутъ же былъ и полковой штабъ-лекаръ, Михайловичъ. Вошелъ наконецъ исправникъ. Едва я проговорилъ: „вотъ исправникъ!“ какъ полковникъ бросился на него словно ингръ, не давъ вымолвить слова, схватилъ за галстухъ, прижалъ къ стѣнѣ и началъ душить, приговаривая: „мы разбойники? а! такъ мы разбойники?“ Исправникъ, сильный мужчина, скоро нырнулъ. Тогда полковникъ, выхвативъ шпагу у штабъ-лекаря, бросился съ нею на исправника. Мы дѣйствительно оказались бы разбойниками, еслибъ я не схватилъ за руку полковника. Исправникъ выскочилъ въ дверь, а полковникъ расхохотался и благодарилъ меня за то, что я вовремя остано-

вилъ его. Всего удивительнѣе то, что, послѣ подобной сцены, намъ акуратно доставляли фуражъ и подводы, а при выступленіи самъ исправникъ вручилъ квитанцію о спокойномъ коартированіи полка.“

Въ Словимѣ случилось тоже забавное происшествіе.

„Предъ самымъ разсвѣтомъ прибыли мы — говоритъ князь Д. О.—въ Словимъ, городъ или, какъ называли его, мѣстечко, переполненное войсками, такъ что мы едва могли пріютиться. Фуража нельзя было добыть иначе, какъ на наличныя деньги, и я рѣшительно не зналъ, гдѣ искать и къ кому обратиться. Край былъ на военномъ положеніи; мнѣ слѣдовало явиться къ военному начальству, требовать квартиры и подводы, искать фуража, а, между тѣмъ, наши лошади голодали, да и мы стояли не по квартирамъ, а въ пустой корчмѣ. Изъ такого болѣе нежели затруднительнаго положенія вывелъ всѣхъ насъ драгунъ Савелій Фофановъ, извѣстный своимъ веселымъ характеромъ и шуточками. „Я найду фуражъ, ваше сіятельство—сказалъ онъ мнѣ — если позволите взять вашу шинель навремя.“ Я согласился съ условіемъ не закладывать и не пропивать моей шинели. „Никакъ нѣтъ—отвѣчалъ Фофановъ—все останется цѣло, и когда вы возвратитесь, лошади будутъ накормлены.“ Отдавъ шинель, я пошелъ по начальственнымъ хлопотамъ обо всемъ до прибытія полка. Полкъ пришелъ и кое-какъ расположился. Квартирмейстеръ началъ заботиться о фуражѣ, а я, окончивъ дѣла и напившись чаю у полковника, отправился подъ вечеръ къ командѣ, чтобы выступить на слѣдующій ночлегъ. На улицѣ повстрѣчался со мною Фофановъ, одѣтый въ моей шинели. „Здорово, Фофановъ! сказалъ я, и только что хотѣлъ спросить о фуражѣ, какъ онъ, не давъ мнѣ времени выговорить, отвѣчалъ съ грубостью: „Сами вы, сударь, Фофановъ.“ Только теперь я замѣтилъ, что за драгуномъ шелъ жидъ, смекнулъ въ чемъ дѣло, извинился и поспѣшилъ своею дорогою. Прибывъ въ команду, я пашелъ, что лошади накормлены и все готово къ выступленію. Недоставало только Фофанова. Долго мы ожидали его: уже ночью прибѣжалъ онъ запыхавшись, сбросилъ мою шинель, надѣлъ свою амуницію и торопился насъ выступить изъ города. Дорогою Фофановъ разсказалъ свою исторію. Въ моей шинели онъ разыгрывалъ роль офицера, нашелъ у одного жиды фуражъ, сторговалъ, взялъ команду, отослалъ сено и овесъ на конюшню, а самъ вошелъ въ корчму расчи-

таться съ продавцомъ. Долго онъ балагурилъ съ жидомъ, наконецъ сталъ въ карманѣхъ искать бумажникъ. Такъ какъ бумажникъ не оказался, то Фофановъ сказалъ жида, что принесетъ деньги тотчасъ по прибытіи полковаго квартирмейстера. Жидъ не соглашался на такую сдѣлку. Тогда Фофановъ предложилъ отправиться съ нимъ на квартиру для расплаты. Долго драгунъ водилъ жида по разнымъ улицамъ, удивляясь, что забылъ свою квартиру. Въ эту-то минуту я и встрѣтился съ нимъ и поздоровался нехотая. Кончилось тѣмъ, что Фофановъ, подойдя къ окраинѣ небольшого оврага, столкнулъ въ него жида, а самъ побѣжалъ въ команду. Получилъ ли довѣрчивый израиль отъ квартирмейстера деньги, мы уже не узнали, но жалобъ впоследствии никакихъ не было.

Городъ Кобринъ назначенъ былъ для штабъ-квартиры Нарвскаго полка; эскадроны размѣстились въ ближайшихъ деревняхъ.

Вотъ какъ описываетъ князь Д. О. первое свое пребываніе въ Вѣлоруссіи:

„Истощенный и разоренный войною народъ погибалъ отъ голода; цѣлыя деревни вымирали отъ тифа; удѣлѣвшіе крестьяне питались древесною корою и лицами дикихъ утокъ, водившихся тамъ въ изобиліи. Наши солдаты, привыкшіе за Кавказомъ къ пшеничному хлѣбу, а въ Малороссіи къ вкуснымъ паланицамъ и вареникамъ, начали получать хлѣбъ на половину съ мажиной и тотчасъ же прозвали его „хлѣбомъ со шпорами“. Тифъ вскорѣ распространился и въ полку: многіе мои товарищи и солдаты пали жертвами губительной болѣзни. Погибъ и уважаемый мой эскадронный командиръ, майоръ Долженковъ. Наконецъ и я заболѣлъ тяжело. За мною ухаживалъ бывший мой дядька, драгунъ Никифоръ Васильевъ. Помню только, какъ онъ перенесъ меня на рукахъ поближе къ лазарету въ курную избу, гдѣ все семейство также заражено было тифомъ. Не знаю, сколько времени я находился въ безпамятствѣ, но когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ добраго Васильева, который печально стоялъ у моего изголовья. Отъ него я узналъ, что вся хозяйская семья перемерла и что оставшіяся въ живыхъ старикъ хозяинъ кончается. Дѣйствительно, я услышалъ предсмертное хрипѣніе... Мнѣ припомнились родина, родители... Уже два года я не имѣлъ отъ нихъ извѣстій, да и самъ не писалъ къ нимъ: въ то время почты не были еще правильно организованы, и письма пересылались большою ча-

стію „по оказіи“. Жизнью я былъ обязанъ попеченіямъ дядьки Васильева, который не только ухаживалъ за мною, но и кормилъ меня на свой счетъ, потому что у меня не было ни гроша.“

Нарвскій драгунскій полкъ представлялъ жалкій видъ: солдаты были оборваны, лошади отъ изнуренія и плохого продовольствія болѣли и выбывали изъ строя. Главный начальникъ кавалерійскихъ резервовъ, генералъ-отъ-кавалеріи Кологривовъ, осмотрѣвъ полкъ, принялъ мѣры къ его улучшенію. Въ продолженіе мѣсяца сформированы были четыре эскадрона, а въ началѣ мая они выступили въ походъ въ герцогство Варшавское, подъ командою майора Жебровскаго. Полковой командиръ, со своимъ штабомъ и 5-мъ эскадрономъ, остался въ резервахъ, въ Брестѣ. Оба дивизіона дошли до города Опатова, въ семи верстахъ отъ Кракова. Состоя въ лейбъ-эскадронѣ, князь Д. О. исправлялъ при Жебровскомъ должность адъютанта, квартирмейстера и казначея во все время пребыванія въ Опатовѣ.

Нарвскій драгунскій полкъ поступилъ подъ начальство Алексѣя Петровича Ермолова, командовавшаго войсками въ Краковѣ и вдоль австрійской границы. Войска наши сосредоточивались здѣсь вслѣдствіе недовѣрія къ дружественному расположенію Австріи, и слухъ носился даже о разрывѣ съ нею союзниковъ. Ватерлоо положило конецъ всѣмъ колебаніямъ. Миръ былъ упроченъ, и нарвскіе драгуны, совершившіе трудный путь съ Кавказа до австрійской границы, къ прискорбію своему, не успѣли подраться съ французами.

„Мы простояли въ Опатовѣ долгое время—говорятъ князь Д. О. въ своихъ запискахъ—и познакомились со многими помѣщиками. Старинный польскій костюмъ тогда еще не совсѣмъ вышелъ изъ употребленія, особенно между пожилыми панями. Намъ, военныхъ, принимали вообще хорошо; но преимущественно находили мы радушіе у графа Хвалибуга, владѣльца Опатова, у котораго мы и квартировали. Однажды, по случаю крестинъ сына, воспріимнымъ отцомъ котораго былъ майоръ Жебровскій, графъ Хвалибугъ далъ праздникъ. Всѣ наши офицеры получили приглашеніе. Я и товарищъ мой Долженковъ, научившись танцевать мазурку, неизвѣстную на Кавказѣ, усердно отплясывали цѣлый вечеръ. Въ самомъ разгарѣ бала, входитъ управитель и объявляетъ, что казаки угнали всѣхъ лошадей съ фольварковъ. Майоръ Жебровскій имѣлъ предпи-

саніе Ермолова наблюдать, чтобы проходяшія войска не дѣлали въ опатовскомъ округѣ никакихъ обидъ и насилій обывателямъ. Извѣстіе, привезенное управителемъ, огорчило хозяина. Я тутъ же вызвался ѣхать на поиски и отобрать угнанныхъ лошадей, на что майоръ Жебровский охотно изъявилъ свое согласіе. Мнѣ дали открытый листъ и на всякій случай донесеніе генералу Ермолову. Немедленно отправился я во всѣ полки, въ сопровожденіи управителя. Лошади уже были разобраны. Нѣкоторые начальники безъ отговорокъ возвратили чужую собственность, другіе не отдавали, представляя разные причины или просто отпирался въ захватѣ. Это заставило меня ѣхать въ Краковъ, къ генералу Пловайскому, командовавшему тогда казаками. Генералъ Пловайскій далъ предписаніе во всѣ казачьи полки о безотлагательномъ возвратѣ мнѣ захваченныхъ у Хвалибуга лошадей. На третій же день всѣ лошади были отысканы и возвращены хозяину. Въ знакъ благодарности, онъ просилъ меня принять въ подарокъ прекраснаго трехлѣтняго жеребца. Въ Краковѣ я въ первый разъ увидѣлъ А. П. Ермолова.⁴

Изъ Опатова Нарвскій полкъ выступилъ, лѣтомъ 1815 года, въ мѣстечко Зильково, Подольской губерніи. Сюда же прибылъ изъ Бреста и 5-й эскадронъ, съ полковымъ командиромъ Уланомъ 4-мъ. Войска, расположенныя въ Подоліи, входили въ составъ южной арміи и состояли въ корпусѣ князя Горчакова. Нарвскій полкъ, вмѣстѣ съ Харьковскимъ, образовали одну бригаду, а прибывшіе вскорѣ Киевскій и Ингерманландскій драгунскіе полки—другую бригаду. Сформированныя въ дивизию, онѣ поступили подъ начальство генералъ-лейтенанта Эмануэля, шефа Киевскаго полка. Первою бригадою командовалъ генералъ-майоръ Ершовъ, второю генералъ-майоръ Юзюевичъ.

Послѣ перваго инспекторскаго смотра новой дивизіи, полковникъ Уланъ 4-й былъ представленъ къ исключенію изъ службы за многія злоупотребленія. Обстоятельство это никого не опечалило, потому что никто особенно не любилъ полковника Улана. Изъ записокъ князя Д. О. видно, что, по позднѣйшимъ слухамъ, Уланъ перешелъ изъ мусульманъ въ католицизмъ и окончилъ жизнь въ кармелитскомъ монастырѣ.

Командиромъ Нарвскаго полка назначенъ былъ полковникъ Ингерманландскаго полка *Голенко*.

„Анастасій Яковлевичъ Голенко заслуженный воинъ, истый

малороссъ, говорилъ не иначе, какъ по-малороссійски, и прикидывался простакомъ. Онъ былъ любимцемъ великаго князя Константина Павловича, подъ начальствомъ котораго долго служилъ. Сверхъ жалованья, Голенко получалъ полковничью пенсію, вотъ по какому случаю: послѣ взятія Париза, великій князь объявилъ ему, что представляетъ его въ генералъ-майоры. Въместо того, чтобы поблагодарить, Голенко сказалъ: „Хиби, ваше императорское высочество, у васъ въ арміи недостаетъ одного дурья до комплекта?“ Великій князь засмѣялся и спросилъ о причинѣ его нежеланія быть генераломъ. „На якого чорта мыши чинъ: Богъ зъ нимъ! у мене нема шматка (куска) хлиба!“ Таковъ былъ отвѣтъ Голенко. Въместо чина ему дали пенсію.“

По переходѣ полка въ г. Винницу, послѣдовало большое уравниеніе офицеровъ во всей арміи. Въ Нарвскій полкъ переведено было много офицеровъ, поступившихъ во время войны изъ гражданскихъ чиновниковъ; между ними нѣкоторые оказались нехорошаго поведенія и незнающими строевой службы. „Полковникъ Голенко, храбрый на войнѣ, но уже преклонныхъ лѣтъ, не умѣлъ или не хотѣлъ заниматься фронтомъ. Начальство однакожь требовало этого, и потому въ помощь Голенку перевели изъ Мариупольскаго полка храбраго и отличнаго фронтовика, подполковника Алексѣева. Этотъ штабъ-офицеръ вскорѣ получилъ такой вѣсъ въ полку, что офицеры во всѣхъ обстоятельствахъ обращались къ нему, и онъ своимъ впливемъ на полковаго командира заставлялъ Голенко дѣлать что хотѣлъ. Мало по малу полкъ очищенъ былъ отъ дурныхъ офицеровъ, и общество наше значительно улучшилось какъ въ служебномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ.“

Князь Левутовъ подробно описываетъ цѣлую систему тогдашняго жестокаго обращенія съ солдатами и возмущается при мысли, что въ ту пору подобное обращеніе ставилось даже въ заслугу. Нельзя на этотъ фактъ не обратить вниманія. Извѣстно, что офицеры наши, по возвращеніи изъ Париза, усвоили себѣ много либеральныхъ идей и что у насъ возникали тогда масонскія ложи. Масоны проповѣдывали гуманныя начала, а, между тѣмъ, тѣлесныя наказанія въ войскахъ доводили до звѣрства, которое начало ослабѣвать не далѣе, какъ въ сороковыхъ годахъ. Командиръ лейбъ-эскадрона, въ которомъ служилъ князь Д. О., отличался особенною жестокостію.

Въ службы молодой князь Левутовъ часто вступалъ, по

этому предмету въ споры со своимъ эскадроннымъ командиромъ, за что тотъ возненавидѣлъ его, и злость свою вымѣщалъ на вахмистрѣ взвода, которымъ командовалъ князь Д. О.

„Видя подобное безчеловѣчье — говорится въ запискахъ — я просилъ полковата командира о переводѣ моемъ въ другой эскадронъ собственно для того, чтобъ избавить бѣднаго вахмистра отъ незаслуженныхъ истязаній. Въ тотъ же день назначено было полковое ученье. Я стоялъ передъ своимъ взводомъ. Капитанъ непрерывно придирался къ моему вахмистру Лявину, и я былъ убѣжденъ, что это служило предвѣстиемъ жестокой расправы послѣ ученья. Раздраженіе захватывало во мнѣ духъ; но требованія дисциплины удерживали меня. Во время движенія полка впередъ, капитану показалось, что мой взводъ тѣснилъ середину полка. Въ бѣшенствѣ бросился онъ на моего вахмистра съ поднятою саблею, но, не бывъ въ состояніи справиться съ лошадью, ударилъ меня саблею по рукѣ, вмѣсто вахмистра. Такой возмутительный поступокъ вывелъ меня изъ себя; азятская кровь моя вскипѣла, бросилась мнѣ въ голову... дисциплина была забыта... я сталъ угощать капитана саблею плашмя. Вырвавшись отъ меня, капитанъ поспекалъ жаловаться полковому командиру. Потребовали всѣхъ офицеровъ передъ фронтъ; явился и я объяснить полковнику всю истину. Всѣ товарищи оправдали меня; тѣмъ не менѣе я былъ арестованъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Въ тотъ же день капитанъ ригортомъ донесъ, будто я во фронтѣ нагрубилъ ему и грозилъ саблею. Я считалъ себя погибшимъ и думалъ, что надѣну солдатскую шапку. Меня спасъ подполковникъ Алексѣевъ, къ которому я написалъ письмо обо всѣхъ обстоятельствахъ случая, и просилъ его уговорить эскадроннаго командира взять назадъ рапортъ, со мною же раздѣлаться благороднымъ образомъ. Переговоривъ со всѣмъ обществомъ офицеровъ и съ полковымъ командиромъ, Алексѣевъ нашелъ меня правымъ и заставилъ капитана принять мой вызовъ. Меня выпустили изъ-подъ ареста. Дуэль состоялась. Сперва мы рубились. Я былъ раненъ въ руку, а противникъ мой въ плечо; но примиренія не послѣдовало. Потомъ мы стрѣлялись и снова оба были ранены: я въ ногу, онъ въ правую руку. Такимъ образомъ, обида омылась дважды кровью. Я уже не остался въ эскадронѣ. Голенко взялъ меня въ полковые адъютанты, и я скоро былъ утвержденъ въ этой должности.“

Въ началѣ 1817 года послѣдовали преобразованія въ арміи. Дивизія Эмануэля вошла въ составъ 1-й арміи, бывшей подъ начальствомъ графа Остенъ-Сакена, и Нарвскій полкъ былъ передвинутъ въ Малороссію. Штабъ полка первоначально былъ назначенъ въ г. Пирятинѣ, а потомъ въ Прилукахъ. Полтавской губерніи, гдѣ драгуны простояли болѣе десяти лѣтъ. Въ дивизіи тоже произошла перемѣна: Харьковскій полкъ замѣненъ былъ Митавскимъ драгунскимъ. Дивизионный штабъ находился въ Нѣжинѣ, Черниговской губерніи.

Въ 1817 году князь Д. О. былъ произведенъ въ поручики и въ томъ же году, 1-го сентября, удостоился счастія видѣть въ первый разъ императора Александра Павловича на высочайшемъ смотрѣ подъ мѣстечкомъ Бѣлою Церковью. Князь стоялъ во время прохожденія демоніальнымъ маршемъ съ трубачами передъ государемъ.

Жизнь на новой стоянкѣ проходила чрезвычайно пріятно. И для Малороссіи это было самая веселая эпоха: тогда, особенно въ Пирятинскомъ и въ сосѣднемъ Прилукскомъ уѣздахъ, отлично проводили время. На не весьма значительномъ разстояніи жили богатые хлѣбосолы, у которыхъ военные встрѣчали самый радушный пріемъ. Какъ ловкій танцоръ, князь Д. О. считался однимъ изъ желанныхъ посѣтителей на всѣхъ балахъ. Въ деревнѣ Мосевкѣ, у генеральши Т. Г. В., князь влюбился въ известную тогда красавицу, А. Г. В., выпущенную недавно изъ Смольнаго монастыря.

Касаясь въ своихъ запискахъ различныхъ обстоятельствъ тогдашней службы, князь Бебутовъ сообщаетъ нѣсколько характеристическихъ чертъ о подковникѣ Голенко:

„Полюбилъ меня полковой командиръ. Кромѣ моей исправности по должности, что очень ему нравилось, онъ жаловалъ меня еще и за то, что я былъ его суфлеромъ на полковыхъ ученьяхъ. Онъ не могъ привыкнуть къ новому кавалерійскому уставу, и потому я не только выписывалъ ему командныя слова на бумажку, но, стоя за нимъ, подсказывалъ ему каждую команду. Старикъ никакъ не могъ выговорить: „депюда анъ эшкье“, и всегда командовалъ: „Депрерадовичъ на эшкѣ!“

„Однажды крѣпко огорчили его эскадронные командиры, отказавшись отъ продовольствія лошадей. Не зная Голенко, какъ помочь горю, и потребовавъ меня. Когда я явился, пол-

ковникъ расхаживалъ въ своемъ желтомъ халатѣ по комнатамъ и сильно пыхтѣлъ—обычный признакъ его гнѣва. Остановясь у дверей, я ждалъ приказаній. Голенко все ходилъ да пыхтѣлъ, словно и не замѣчалъ моего присутствія. Миѣ это надоѣло, и я уже взялся за ручку двери, намѣреваясь выйти.

— „Постой, братико—сказалъ онъ жалобнымъ голосомъ—ходы, ходы, сидай и пыши лепорть Эмануидю.“

— „О чемъ прикажете?“

— „Напыши, братико, що си бисовы сыны москали мене убыли, а и взявъ да и умерь, о чемъ имю честь донести.“

— „А кто же подпишетъ рапортъ? спросилъ я.“

— „Давай, братико, хоть я подпишу.“

„Я составилъ рапортъ съ буквальною точностію, полковникъ подписалъ, отдалъ миѣ и велѣлъ показать эскадроннымъ командирамъ и пригласить ихъ къ нему на обѣдъ. Всѣ офицеры любили и знали добрика-оригинала, а потому всѣ поѣхали обѣдать и сѣдлали такъ, какъ онъ желалъ.“

„Вотъ еще другой случай. Стояли мы лагеремъ. Впереди была равнина и протекала небольшая рѣчка. Полковникъ дѣлалъ разводъ. Разсердился его снова эскадронные командиры. Долго онъ стоялъ молча передъ фронтомъ, потомъ началъ пыхтѣть, надувая щеки и посмагивая на эскадронныхъ командировъ. Вдругъ онъ сбросилъ съ себя каску и началъ катить ее ногою къ берегу рѣчки, приговаривая: „топысь, голова, не-премѣнно утопысь!“ Дойдя до рѣчки и видя, что фронтъ стоялъ не шевелясь, полковникъ закричалъ:

— „Бисовы сыны москали! никто не хоче помочты!“

„Съ этимъ словомъ Голенко раздѣлся, кинулся въ рѣку и нырнулъ. Появившись чрезъ нѣсколько секундъ на поверхности, онъ потребовалъ адъютанта. Я приближалъ.“

— „А що, братико, никто не пожаднѣ, якъ я кынувьсь у воду? спросилъ онъ.“

— „Мы знали, что вы шутили, отвѣчалъ я.“

— „Ну такъ распусти разводъ и попроси усихъ до мене обидать; отдай у прикази, що разводомъ я доволенъ, и вели дать людямъ по чарци горилкы.“

„А развода вовсе полковникъ и не училъ, а только смотрѣлъ да пыхтѣлъ. На другой день Эмануэль приближалъ смотрѣть полкъ. Мы были въ колоннѣ. Всѣ эскадронные командиры стояли на лѣвыхъ флангахъ; полковникъ равнялъ эскадро-

ны сирава. Третьимъ эскадронномъ командовалъ капитанъ Ларинъ, только что назначенный изъ полковыхъ квартирмейстеровъ. Голенко подѣхалъ къ его эскадрону и сказалъ: „г. эскадронный командиръ, равняйся!“ Проговорилъ онъ это нѣсколько разъ такъ тихо, что Ларинъ не могъ разслушать. Полковникъ хотѣлъ назвать капитана по фамиліи, но фамилію позабылъ. Послѣ этого онъ началъ пыхтѣть и вдругъ закричалъ: „г. эскадронный командиръ, чи четверникъ, чи цо...“ Названіе „четверикъ“ Голенко употребилъ потому, что Ларинъ, какъ сказано, былъ полковымъ квартирмейстромъ.

Эмануэль училъ долго; была и команда „Депрерадовичъ на эшагъ“. По окончаніи смотра, начальникъ дивизіи собралъ всѣхъ офицеровъ на середину и сталъ высказывать свои подробности замѣчанія. Не видя имъ конца, Голенко принялся, по обыкновенію, пыхтѣть, и мы ожидали, что чудакъ брякнетъ какую-нибудь штуку. Такъ и случилось. Не давъ Эмануэлю окончить фразы, полковой командиръ вдругъ отсалютовалъ саблею и громко сказалъ слѣдующее:

„— Эхъ, ваше превосходительство, ей же Богу усе добре! Пора заморити червика: борщъ прочахне (простынетъ). Прошу обидать!“

„Эмануэль зналъ Голенко, уважалъ его, разсмѣялся и пропустилъ полкъ.“

1-го мая 1819 года князь Давидъ Осиповичъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Любовь его къ А. Г. В. не только не охладѣла, но окрѣпла и усилилась до того, что онъ задумалъ ѣхать въ Тифлисъ, не просить согласія и благословенія родителей на брачную жизнь.

II.

Поздка въ Тифлисъ.—Знакомство съ А. С. Грибоедовымъ и съ М. П. Муравьевымъ.—Якубиничъ.—Безпокойствія въ Мингрелии, Гуріи и Абхазіи.—Возвращеніе князя Д. О. въ Малоросію.—Переходъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ.—Участвіе въ экспедиціи противъ Кавказулы.—Полковникъ Миланшенскій.

Въ концѣ ноября 1819 года, князь Вебутовъ отправился на родину въ отпускъ на четыре мѣсяца.

Въ тогдѣшнее время путешествіе по кавказской линіи не вполнѣ было безопасно и совершалось подѣ прикрытіемъ значительнаго военнаго колвоя. Отъ станицы Егваторипграда (на Малѣѣ) до крѣпости Владикавказъ провожалъ почту и всѣхъ

проѣзжающихъ баталіонъ съ двумя орудіями. Подобный конвой назывался „оказіею“ и былъ отправляемъ разъ въ недѣлю, по субботамъ. Опоздавшіе къ оказіи должны были ждать цѣлую недѣлю, до будущей субботы.

„Военно-грузинская дорога — говоритъ князь Бебутовъ — проходила тогда черезъ городъ Моздокъ, гдѣ комендантомъ былъ однополчанинъ мой, маіоръ Катыревъ. Онъ задержалъ меня у себя цѣлую недѣлю, до новой оказіи. Въ продолженіе этого времени пріѣхалъ изъ крѣпости Грозной Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, гдѣ онъ былъ у А. П. Ермолова, находившагося тогда въ экспедиціи въ Чечнѣ, и теперь возвращался въ Тифлисъ, къ мѣсту своего служенія. Мы познакомились. Грибоѣдовъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о братѣ Василіи, который былъ въ той же экспедиціи. Дождавшись слѣдующей оказіи, мы выѣхали вмѣстѣ и на пути отъ Моздока до Тифлиса коротко сблизились. Александръ Сергѣевичъ читалъ мнѣ много своихъ стиховъ, въ томъ числѣ и изъ комедіи „Горе отъ Ума“, которая была только еще набросана. Всѣмъ знавшимъ Грибоѣдова извѣстно, какъ онъ умѣлъ расположить къ себѣ съ перваго раза. Я также полюбилъ его отъ души и просилъ остановиться въ Тифлисі у насъ въ домѣ. Родные мои приняли его съ искреннимъ радушіемъ, и онъ еще тѣснѣе сблизился съ нами, погулялъ съ моею матерью, съ которою былъ вмѣстѣ посприемникомъ одного ребенка. Грибоѣдовъ учился тогда персидскому языку, а такъ какъ мой отецъ не говорилъ по-русски, то А. С. объяснялся съ нимъ по-персидски.

„Въ это же время я познакомился съ М. Н. Муравьевымъ, только что возвратившимся изъ поѣздки въ Хиву. Онъ квартировалъ у моего двоюроднаго брата, князя Арсенія Бебутова, составлявшаго почти одно семейство съ нашимъ домомъ. По вечерамъ Муравьевъ рассказывалъ намъ разныя свои похождения и собирался издать путешествіе свое въ Хиву. Для этого ему необходимо было привести въ порядокъ записки и изложить систематически свою поѣздку, въ чемъ я вызвался ему помогать и долго занимался этою работою. Вечернія наши бесѣды пріятели, между тѣмъ, оригинальный и весьма оживленный характеръ, потому что на нихъ стали появляться хивинскій и туркестанскій посланцы, прибывшіе вмѣстѣ съ Муравьевымъ. Я объяснялся съ ними по-татарски. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда намъ подали калянъ, неожиданно во-

шелъ въ комнату молодой человекъ высокаго роста, смуглолицый, съ выразительными глазами, въ лезгинской одеждѣ, вооруженный съ ногъ до головы. Я подумалъ сначала, что онъ принадлежалъ къ свитѣ среднеазіатскихъ посланниковъ, но лезгинскій нарядъ его сбиль меня съ толку, и я спросилъ у Муравьева объ имени молодаго человека. Муравьевъ представилъ насъ другъ другу: это былъ Нижегородскаго драгунскаго полка поручикъ А. И. Якубовичъ, впоследствии сосланный въ Сибирь по дѣлу 14-го декабря. Якубовичъ служилъ прежде въ гвардіи и переведенъ былъ на Кавказъ за участіе въ дуэли Шереметева съ графомъ Завадовскимъ. Въ Тифлисі онъ самъ стрѣлялся съ Грибоѣдовымъ, котораго и ранилъ въ руку. Этотъ послѣдній поединкомъ имѣлъ тѣсную связь съ первымъ. Якубовичъ и Грибоѣдовъ были секундантами: одинъ у Шереметева, другой у Завадовскаго, и Якубовичъ далъ слово умирающему Шереметеву отмстить за него секунданту Завадовскаго. Узнавъ о назначенной дуэли между секундантамъ, начальство перевело Якубовича въ Нижегородскій драгунскій полкъ; но это не помѣшало поединку: Грибоѣдовъ нарочно пріѣхалъ стрѣляться въ Грузію.

„Отецъ Якубовича, хорошій мой знакомый, жившій въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, просилъ меня, при моемъ отъѣздѣ, навести справки о его сынѣ, на котораго онъ очень гнѣвался и съ которымъ уже года три прекратилъ сношенія. Старикъ хотѣлось знать мнѣніе Ермолова о его сынѣ. Впоследствии я доставилъ ему самыя утѣшительныя свѣдѣнія и содѣйствовалъ примиренію отца съ сыномъ. А. И. Якубовичъ заслужилъ имя храбреца въ кавказскомъ корпусѣ, былъ раненъ въ бою пулею и носилъ черную повязку; но какъ онъ любилъ говорить много, то иные подозрѣвали его въ хвастовствѣ. Онъ часто отправлялся на лезгінъ съ извѣстнымъ бѣлдомъ (вожакомъ) Сосіемъ Андрониковымъ. Встрѣтившись однажды съ Сосіемъ, моимъ хорошимъ знакомымъ, я спросилъ у него: каковъ Якубовичъ въ дѣлѣ? Вотъ слова Андроникова: „Я не видалъ человека болѣе способнаго и болѣе страстнаго къ ночнымъ поѣздкамъ. Какую бы опасную я ни задумалъ экспедицію, онъ первый готовъ и упрашиваетъ меня взять его съ собою. Не знаю, изъ храбрости или изъ желанія добычи, только онъ всегда веселъ, когда садится на коня при выступленіи въ походъ. Но я замѣтилъ въ Якубовичѣ одну черту, объяснить которую не умѣю: когда, подѣхавъ къ Алазани,

мы переходимъ на непріятельскую сторону, гдѣ уже близка опасность, онъ весь дрожитъ.... Не разъ однако видалъ я его въ дѣлѣ: бѣгетъ проворно и бросается отважно повсюду.“

Цѣль поѣздки князя Бебутова не утѣшилась успѣхомъ: родители не изъявили согласія на его женитьбу. Опасаясь однако, чтобъ сынъ, по возвращеніи въ полкъ, не рѣшился на этотъ шагъ безъ родительскаго благословенія, отецъ обратился къ Ермолову съ просьбою перевести сына въ Нижегородскій полкъ, а генерала Мадатова просилъ взять его въ адъютанты. Но князь Давидъ Осиповичъ думалъ объ одномъ, желалъ одного: скорѣе возвратиться въ Малороссію, къ предмету своей нѣжной и постоянной страсти. Подобная рѣшимость понравилась Алексѣю Петровичу. Вотъ слова его, съ которыми онъ обратился къ князю Д. О., когда послѣдній представился ему предъ отъѣздомъ изъ Тифлиса: „Хорошо дѣлаешь, Давидъ, что ѣдешь назадъ въ полкъ: одному изъ сыновей мискарбаша слѣдуетъ служить въ Россіи. Поѣзжай. Мы скоро тамъ увидимся“. Только впоследствии выяснился смыслъ этихъ словъ: революціонныя движенія въ Неаполитанскомъ королевствѣ побудили императора Александри послать туда корпусъ, подъ начальствомъ Ермолова. Война однако не состоялась; неаполитанскій вопросъ былъ разрѣшенъ на ахенскомъ конгрессѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ князя Д. О. изъ Тифлиса получено было донесеніе объ убійствѣ въ Кутаисѣ полковника Пузыревскаго и о возмущеніи Мингрелін, Гурін и Абхазін. О причинахъ этихъ смуть ходили разные толки въ народѣ: одни приписывали ихъ тому, что будто бы эзархъ Грузін Теофилактъ, объѣзжая имеретинскую епархію, забралъ изъ разныхъ монастырей древнюю утварь и чудотворныя иконы, обращался грубо съ духовенствомъ и дѣлалъ угрозы кутателю (высшая духовная особа) и лицамъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на народъ. Другіе относили все къ интригамъ князя Георгія Дадьяна, роднаго брата владѣтеля Мингрелін Левана Дадьяна, офицера Преображенскаго полка, который, находясь въ отпуску и просрочивъ его, не возвращался подлѣ предлогомъ, что его братъ-владѣтель не давалъ ему средствъ къ приличному содержанію. Князь же Леванъ отозвался, что братъ его мутитъ народъ, и просилъ о его удаленіи. Полковникъ Пузыревскій прибылъ арестовать князя Георгія, но былъ застрѣленъ восемнадцатилѣтнимъ юношею прежде, нежели успѣлъ въѣхать на

дворъ. Смуты прекратились не скоро. Арестованы были князь Георгій Дадьянъ, кутателъ и многіе другіе князья. Дадьяна сослали въ Вятку; кутателъ, отправленный въ Россію, умеръ на дорогѣ.

Въ пребываніе свое въ Грузіи, князь Д. О. познакомился съ нѣсколькими лицами, болѣе или менѣе известными впоследствии: съ донскимъ полковникомъ Кузнецовымъ, бывшимъ потомъ наказнымъ атаманомъ казачьихъ войскъ въ царствѣ Польскомъ; съ командиромъ Грузинскаго гренадерскаго полка П. Н. Ермоловымъ, и того же полка майоромъ графомъ Симоничемъ, бывшимъ потомъ посланникомъ въ Персію; съ командиромъ 42-го егерскаго полка П. А. Ладискиемъ, 41-го егерскаго полка полковникомъ княземъ П. Д. Горчаковымъ, Нижегородскаго драгунскаго полка полковникомъ Климовскимъ и съ адъютантомъ Ермолова графомъ Самойловымъ.

Слѣдующая выдержка изъ записокъ князя Д. О. любопытна, какъ характеристическая черта обычая Закавказскаго края въ описываемое имъ время.

„Мнѣ очень пріятно было совершить съ отцомъ небольшое путешествіе въ Кахетію, въ тѣ деревни, гдѣ прежде квартировалъ Нарвскій драгунскій полкъ и которыя припоминали мнѣ юнкерскую мою службу и народное возмущеніе. Вотъ по какому случаю отцу моему вздумалось проѣхать по Кахетіи и взять меня съ собою. Ему, по ходатайству А. П. Ермолова, государь пожаловалъ въ потомственное владѣніе виноградный садъ въ деревнѣ Какобети, именно въ той, гдѣ былъ вырѣзанъ нашъ 5-й эскадронъ въ 1812 году. Садъ считался прежде царскимъ и обрабатывался казенными крестьянами. Въ деревнѣ у моего отца не было ни одного крестьянина, и онъ затруднился обработкою сада, требовавшаго тщательнаго ухода. Оставалась одна надежда на помощь жителей селенія Какобети. Заблаговременно онъ уведомилъ ихъ письмомъ, что въ такой-то день пріѣдетъ въ гости. Какобетскій кевха встрѣтилъ насъ и проводилъ въ назначенную намъ квартиру. Не успѣли мы слѣзть съ сѣдла, какъ собравшійся народъ бросился принимать лошадей и оружіе у насъ и у нашихъ служителей. Таковъ народный обычай. Въ силу его, глашатай (*изирн*) взошелъ на высокое мѣсто и повѣстилъ деревню слѣдующими словами: „Пожаловалъ въ гости князь Осипъ Бебутовъ, мискарбашъ: стекайся, народъ, и приноси дары свои!“ Я уже отъѣхалъ въ Мало-

россиі отъ подобныхъ патріархальныхъ обычаевъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на приходившихъ и слушалъ ихъ бесѣду. Старика толковали о побѣдахъ царя Ираклія; изъ нихъ двое участвовали даже въ индійскомъ походѣ и рассказывали весьма интересныя подробности. Приятно мнѣ было также слышать, какъ многіе напоминали отцу о его заслугахъ и храбрости. И тутъ нашлись двое, которые были при разбитіи Омаръ-хана аварскаго, когда отецъ мой получалъ рану пулею, и одинъ изъ нихъ его перевязывалъ (*). Во время пирушки явился мѣстный князь Бардзимъ Черкезишвиди, огромнаго роста и геркулесовскаго сложенія, тотъ самый, который стоялъ въ главѣ мятежниковъ въ 1812 году; онъ недавно былъ прощенъ и возвращенъ изъ ссылки по ходатайству Ермолова.

„Грузины вообще народъ храбрый, но любятъ прихвастнуть и подшутить. Увидя меня въ знакомомъ драгунскомъ мундирѣ, одинъ грузинъ обратился къ отцу и шутя спросилъ:

„— Откуда явился этотъ драгунъ и какъ онъ осмѣлился прѣхать въ Какобети, гдѣ истребили драгунъ?“

„— Изъ деревни Сартисъ-Чаль—отвѣчалъ я—изъ той, гдѣ вы не сдержали слова и пропустили насъ черезъ рѣку Юру.“

„Отвѣтъ мой понравился всѣмъ, и присутствующіе выпили за мое здоровье. Мы пробыли въ Какобети три дня. Садъ нашъ былъ такъ великъ, что мы ежедневно охотились въ немъ съ ястребами на фазановъ. Во все это время угощали насъ обыватели. Отецъ уладилъ съ ними дѣло и получилъ обѣщаніе, что они попрежнему будутъ помогать въ обработкѣ сада, а князь Бардзимъ вызвался доставлять необходимое количество *таркала* (подпорки подъ виноградныя лозы). За эту услугу отецъ предложилъ всѣмъ жителямъ Какобети: чтобы каждый изъ нихъ, кто захѣмъ ни прѣхалъ бы въ Тиолисъ, останавливался у него въ домѣ и гостилъ бы сколько угодно, и брался по всѣмъ дѣламъ ихъ быть ходатаемъ. Какобетцы и донинѣ свято исполняютъ свое обѣщаніе: домъ нашъ постоянно къ ихъ услугамъ. Сверхъ того отецъ мой постановилъ въ домѣ за правило: каждый разъ за обѣдомъ первый стаканъ вина пить за здоровье Ермолова. Обычай этотъ никогда не былъ нарушенъ.“

Весною 1820 года князь Д. О. возвратился въ полкъ въ Прилуки, снова встрѣтилъ предметъ своей любви; но А. Г.

(*) См. статью г. Дубронина.

вскорѣ вышла замужъ, и князю не удалось надѣть на себя цѣпей Гименея.

Съ возвращеніемъ въ Малороссію, служба князя Д. О. приняла другое направленіе. Штабсъ-капитанскій чинъ не позволялъ ему оставаться полковымъ адъютантомъ, и потому Голенко поручилъ ему принять лейбъ-эскадронъ, тотъ самый, въ которомъ онъ командовалъ взводомъ и имѣлъ рассказанную выше исторію. Но вскорѣ и Голенко произведенъ былъ въ генералы и назначенъ бригаднымъ командиромъ, а Нарвскій полкъ принялъ Александрійскаго гусарскаго полка полковникъ Гельфрейхъ.

Вступивъ въ командованіе лейбъ-эскадрономъ, князь Д. О. началъ съ того, что вывелъ изъ употребленія розги, палки, фухтеля и зуботычины. Въ то время подобный поступокъ считался необычайнымъ событіемъ, и потому князь Бебутовъ съ первой же минуты расположилъ къ себѣ весь эскадронъ. Какъ и слѣдовало ожидать, неслыханное дотошъ обращеніе съ подчиненными имѣло самыя утѣшительныя послѣдствія: пьянство, воровство и побѣги прекратились, въ нижнихъ чинахъ пробудилось чувство человѣческаго достоинства, подавленное прежними истязаніями. Гуманное обращеніе офицера съ солдатомъ, въ двадцатыхъ годахъ, да еще уроженца Грузин, нравы которой были грубѣ нашихъ—фактъ дѣйствительно выходящій изъ ряда обыкновенныхъ: подобное возрѣніе на военную службу считалось тогда опаснымъ либерализмомъ. И однакожь дисциплина не только не пострадала, а напротивъ получила болѣе высокое значеніе: съ возвышеніемъ нравственнаго уровня эскадрона, и служба пошла гораздо успѣшнѣе. Лейбъ-эскадронъ въ фронтовомъ отношеніи былъ доведенъ до блистательнаго состоянія. Независимо отъ обученія всему тому, что требовалось по уставу отъ регулярной кавалеріи, князь Бебутовъ частнымъ образомъ пріучалъ своихъ драгунъ къ наѣздничеству. Подняманье съ земли самыхъ малыхъ вещей, стрѣльба въ цѣль на всемъ скаку, прыганье черезъ рвы и барьеры производились съ такою ловкостію и удалію, словно драгунамъ съ дѣтства были знакомы эти упражненія. Начиная съ полковаго командира, начальство было въ восторгѣ отъ наѣздниковъ и отъ учителя. Солдаты не только не тяготились подобнымъ занятіемъ, напротивъ любили его и считали забавою. Самъ князь Д. О. высказываетъ въ своихъ запискахъ удивленіе относительно ловкости, съ какою нѣкоторые драгуны продѣлывали всѣ шту-

ки, несмотря на одежду, амуницію и сѣдла, вовсе неприспособлены къ такого рода упражненіямъ. Лейбъ-эскадронъ Нарвскаго полка прослылъ образцовымъ въ дивизіи, и служить въ этомъ эскадронѣ считалось за особую честь. Опредѣляя своихъ родныхъ и племянниковъ Скарятиныхъ въ Нарвскій полкъ, корпусный командиръ, князь Щербатовъ, просилъ частнымъ письмомъ Гельфрейха о назначеніи ихъ въ эскадронъ князя Бебутова. Изъ записокъ видно, что въ этомъ эскадронѣ служили: Е. П. Врангель (нынѣ генераль-лейтенантъ), Я. В. Вагнеръ (генераль-лейтенантъ), Шишмаревъ, Ильинскій, Воропаевы, Иксули, Мантейфель, Дурново.

23-го мая 1824 года, князь Бебутовъ за отличіе былъ произведенъ въ капитаны. Занимаясь усердно нѣсколько лѣтъ доведеніемъ своей части до возможнаго совершенства, онъ постоянно имѣлъ въ виду одну цѣль — отличиться на полѣ сраженія. Пламенное желаніе его сбылось: въ 1827 году объявлена была война Персіи. Князь Бебутовъ успѣшилъ подать прошеніе о переводѣ его въ отдѣльный кавказскій корпусъ. Первая попытка оказалась неудачною: на прошеніе послѣдовало отвѣтъ, что, по случаю войны, всякіе переводы изъ 1-й арміи приостановлены.

Въ слѣдующемъ, 1828 году, корпусу, въ которомъ служилъ князь Бебутовъ, назначенъ былъ смотръ въ городѣ Козельцѣ, Черниговской губерніи. Нарвскіе драгуны, незадолго передъ тѣмъ переименованные въ гусары, впервые представлялись государю въ своей новой формѣ. Замѣчательно, что въ то время преобразованы были нѣсколько драгунскихъ полковъ въ гусары и уланы, словно этотъ родъ конницы признавался неудовлетворительнымъ. Но, какъ все помнить, покойный императоръ Николай Павловичъ отличалъ и любилъ впоследствии драгунъ, дѣйствительно представлявшихъ удачное сочетаніе конницы и пѣхоты.

Государь остался весьма доволенъ смотромъ. Князь Бебутовъ получилъ орденъ св. Анны 3-й степени. Но его порадовало другое обстоятельство. Во время смотра прибылъ съ Кавказа курьеръ съ донесеніемъ отъ Паскевича о побѣдѣ и взятіи въ плѣнъ сараспира. Съ этимъ же курьеромъ получена была докладная записка о переводѣ князя Бебутова. Во время представленія конныхъ ординарцевъ, графъ Адлербергъ словесно объявилъ Д. О. о высочайшемъ снисхожденіи на этотъ переходъ.

Въ пылу восторга, князь Д. О. позабылъ похлопотать о скорѣйшемъ движеніи своего перевода официальнымъ путемъ, и потому два мѣсяца прождалъ высочайшаго приказа. Только въ августѣ оставилъ онъ Малороссію, сопровождаемый неприятнымъ сожалѣніемъ товарищей, подчиненныхъ и всего мѣстнаго общества. Проводы были трогательные: плакали не только товарищи-офицеры, но и солдаты. Грустно ему было побидать тѣхъ, съ кѣмъ сроднился въ теченіе десяти лѣтъ, тяжело было разставаться съ эскадрономъ, который онъ, по справедливости, имѣлъ право считать своимъ дѣтищемъ. Эскадронный штабъ имѣлъ завидную стоянку въ селѣ Дегтярехъ, имѣнии П. Г. Галагана. Богатый и гостепріимный помѣщикъ этотъ извѣстенъ былъ далеко за предѣлами губерніи по своему радушію и по широкимъ размѣрамъ барской жизни. Въ особенности онъ славился превосходнымъ оркестромъ, солисты котораго, всѣ крѣпостные, обучались въ лучшихъ германскихъ консерваторіяхъ. Жизнь въ Дегтярехъ могла назваться непрерывнымъ рядомъ празднествъ. Душою всѣхъ увеселеній была молодая и прелестная хозяйка, Софья Александровна, которая умѣла сосредоточить у себя избранный кружокъ общества. Изъ записокъ князя Д. О. видно, что въ Дегтярехъ нѣкоторое время гостилъ Якубовичъ, пріѣзжавшій съ Кавказа въ отпускъ къ отцу, въ Роменскій уѣздъ, откуда онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и вступилъ въ тайное общество. О своемъ отъѣздѣ князь Д. О. говоритъ:

„День выѣзда для меня былъ днемъ радости и горькой печали: хотѣлось мнѣ очень на родину и въ пылъ битвы, но тяжело было и разставаться съ товарищами, съ эскадрономъ, съ друзьями и наконецъ съ краемъ, въ которомъ я провелъ десять лучшихъ лѣтъ моей жизни. Воспоминаніе о Малороссіи никогда не изгладится изъ моей памяти. Особенно въ домѣ П. Г. Галагана меня любили какъ роднаго. Проводы были чисто-родственные. Прощаясь со мною, офицеры и солдаты плакали и меня заставили расплакаться. Софья Александровна, приказавъ наполнить мою колыску разною провизіею, проводила меня до города Прилуки за 25 верстъ. При послѣднемъ объѣдѣ, она надѣла мнѣ на шею образокъ Божіей Матери и простилась со мною, какъ съ самымъ близкимъ родственникомъ (*). Долго велъ я переписку съ моими радужными хозяе-

(*). Образокъ этотъ авторъ видѣлъ въ канцѣ Д. О. за нѣсколько дней до его кончины.

вами. Ихъ уже обоихъ нѣтъ на свѣтѣ; но память о нихъ живеть въ моемъ сердцѣ.“

Осуществленіе давно желаемой мечты скоро разогнало грустныя мысли князя и дало мѣсто одной лишь радости. Восторгъ былъ однакожь непродолжителенъ. Благодаря медленности officialнаго движенія перевода, онъ опоздалъ принять участіе въ войнѣ, пріѣхавъ въ Грузію уже по взятіи Араума и, съ дозволенія командира Нижегородскаго полка, Раевского, ожидая въ Тифлисѣ прибытія главнокомандующаго.

Имя графа Паскевича Эриванскаго, знаменитаго побѣдителя турокъ и персіянъ, прогремѣло по обѣимъ сторонамъ Кавказа. Онъ былъ очень благосклоненъ къ князю Д. О., и когда послѣдній выразилъ скорбь свою, что лишенъ былъ чести участвовать въ его побѣдахъ, фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Не грусти: въ службѣ всегда есть дѣло, и все будетъ зависѣть отъ твоихъ способностей“.

Князь Д. О. былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ. Слова графа Паскевича Эриванскаго имѣли свое основаніе. Знаменитый вождь уже обдумалъ планъ экспедиціи въ землю Джаро-белоканскихъ лезгинъ, имѣя въ виду построить у подошвы горъ крѣпость и тѣмъ заслонить Кахетію отъ вторженія горцевъ. Притомъ же хотя лезгины, во время вторженія персіянъ, и не дѣлали явныхъ набѣговъ, однако подожгли пустую штаб-квартиру Нижегородскаго драгунскаго полка и всѣ полковыя заведенія. Экспедиція, продолжавшаяся мѣсяцъ (съ 7-го февраля по 4-е марта 1829 года), увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: возникла крѣпость Новые Закаталы, а вслѣдъ затѣмъ, частію у подошвы горъ, частію на уступахъ хребта, былъ построенъ цѣлый рядъ укрѣпленій, башенъ и постовъ, образовывавшихъ такъ называемую *лезгинскую линію*.

„По возвращеніи изъ экспедиціи—говоритъ князь Д. О.—я былъ посланъ къ брату моему Василію, начальнику Армянской области, съ денежною суммою и для присутствованія на соборѣ армянскаго духовенства, созваннаго въ первопрестольный армянскій монастырь Эчмиадзинъ, подъ предсѣдательствомъ католикоса всѣхъ армянъ Ефрема, для выбора на патриаршій престолъ двухъ кандидатовъ. Потерявъ зрѣніе, престарѣлый архипастырь еще при жизни пожелалъ избрать себѣ достойнаго преемника.“

„Выборы происходили по древнимъ обычаямъ армянскаго

народа и по высочайше дарованнымъ привилегіямъ. Сперва избираются духовнымъ соборомъ два кандидата изъ архіепископовъ, а потомъ избранныя лица предлагаются на голоса мірянамъ. Получившій болѣе голосовъ утверждается высочайшею грамотою. Братъ мой, въ качествѣ начальника области, присутствовалъ для сохраненія порядка при выборахъ.

„По окончаніи выборовъ, я былъ отправленъ обратно къ главнокомандующему со списками двухъ кандидатовъ, архіепископовъ Іоаннеса и Ефрема. Отобраніе голосовъ у мірянъ было возложено на меня, что я и исполнилъ сперва въ Грузіи, потомъ въ Ахалцыхской области. Избранъ былъ Іоаннесъ по большинству голосовъ и утвержденъ высочайшею грамотою.“

Командировка эта едва не обратилась во вредъ князю Д. О. Дежурный штабъ-офицеръ, майоръ Викинскій, бывший въ большой милости у графа Паскевича, найдя донесенія Бебутова изложенными основательно и узнавъ изъ формулярнаго списка, что онъ былъ полковымъ адъютантомъ, хотѣлъ помѣстить его при дежурствѣ для письменныхъ занятій. Отклонивъ это предложеніе, Бебутовъ, тѣмъ не менѣе, опасался, чтобы Викинскій, пользовавшійся довѣріемъ главнокомандующаго, не припомнилъ ему этого отказа при какомъ-нибудь случаѣ. Горе свое князь Д. О. повѣрялъ генералу Ренненкампоу, единственному челоуѣку въ главной квартирѣ, съ которымъ онъ сошелся еще во время службы въ первой арміи. Ренненкампоу охотно взялся выручить его изъ бѣды. Въ это время, именно весною 1830 г., графъ Паскевичъ предпринималъ общую рекогносцировку въ кавказскія горы и за Кубань. Войска раздѣлены были на нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ. Генералъ Ренненкампоу, получивъ приказаніе дѣйствовать противъ горныхъ осетинъ со стороны Карталинъ, выхлопоталъ въ свой отрядъ князя Д. О., который и принималъ дѣятельное участіе въ экспедиціи, въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера.

Экспедиція продолжалась мѣсяцъ съ небольшимъ (съ 19-го июня по 25-е июля). Войска двигались по едва проходимымъ мѣстностямъ, чрезъ Цхинвольское ущелье, Кешельту, Роки и Маграудаветъ, на Ксанское озеро, лежащее на вершинѣ горнаго хребта и памятное тѣмъ, что генералъ князь Эристовъ, застигнутый здѣсь бурей, потерялъ весь свой отрядъ и обозъ. Пройдя озеро, Ренненкампоу выступилъ въ Джамурское ущелье и спустился на военно-грузинскую дорогу въ селеніи Квишеть.

Осетивы перестрѣливались, но не могли остановить движенія нашего отряда, и цѣль экспедиціи была достигнута. Князь Д. О. Бебутовъ получилъ за отличіе майорскій чинъ и возвратился въ Тифлисъ съ Ренненкампомъ.

Въ Тифлисъ свирѣпствовала тогда страшная холера; одновременно, на разныхъ пунктахъ, вспыхнули возмущенія, изъ которыхъ наиболѣе серьезнымъ было въ Джаробелокопской области. Усмиреніе здѣсь мятежниковъ стоило потери цѣлаго баталіона съ двумя орудіями. Графъ Паскевичъ, находившійся на Кубани, потребовалъ туда генерала Ренненкампа, съ которымъ отправился и князь Д. О.

На Кубани князь Бебутовъ одиннадцать дней сряду былъ въ перестрѣлкахъ съ шапсугами и, въ продолженіе этой экспедиціи, получилъ возможность сдѣлаться ближе извѣстнымъ главнокомандующему.

Въ это же самое время польскій мятежъ былъ въ полномъ разгарѣ. Назначеніе графа Паскевича Эриванскаго главнокомандующимъ всѣми войсками, дѣйствовавшими противъ мятежниковъ, пробудило въ князѣ Д. О. надежды на болѣе обширную боевую дѣятельность. Онъ обратился къ Паскевичу съ просьбою взять его въ царство Польское. Ограничиваясь самою малочисленною свитою, графъ не могъ исполнить его желанія, но обѣщавъ вызвать его впоследствии и велѣлъ подать памятную записку. Съ Паскевичемъ уѣхалъ только князь Щербатовъ, полковникъ Викинскій и гражданскій чиновникъ П. Н. Очкинъ.

Временное командованіе войсками принялъ Н. П. Пашкратевъ. Съ самаго начала управленія онъ оказалъ особое довѣріе къ князю Д. О., поручивъ ему наблюдать за исполненіемъ распорядковъ комитета, учрежденнаго для переселенія христіанъ изъ Турціи, послѣ адрианопольскаго мира. Главная задача заключалась въ томъ, чтобъ значительныя суммы, отпущенныя на дѣло, расходовались съ толкомъ и по справедливости. Князь Бебутовъ успѣшно исполнилъ это порученіе, и генералъ-адъютантъ Пашкратевъ вскорѣ облекъ его новымъ довѣріемъ.

Извѣстно, въ какомъ затруднительномъ положеніи находились наши дѣла въ Дагестанѣ, вслѣдствіе развитія здѣсь мюридизма и отважныхъ предпріятій Кази-муллы.

Пашкратевъ рѣшился предпринять экспедицію въ Дагестанъ. Войска наши были разбросаны. Пронесся слухъ, что персияне

снова готовятся къ войнѣ; къ счастью, онъ оказался несомнѣтельнымъ. Прежде всего предстояло направить въ Дагестанъ сколько можно больше войска съ Закавказья и съ кавказской линіи. Нѣкоторые полки, выступая въ походъ, оставляли на мѣстахъ своего расположенія болѣе или менѣе значительныя команды. По этому случаю Пашкратевъ поручилъ князю Д. О. отправиться въ Магилсъ и на Бѣлый Ключъ—штабъ-квартиры Эриванскаго карабинернаго и 41-го егерскаго полковъ, и удостовѣриться, сколько именно оставлено тамъ нижнихъ чиновъ. Бебутовъ исполнилъ порученіе, но на возвратномъ пути сильно заболѣлъ въ Кубѣ и начало похода пролежалъ въ постели.

Недовольный дѣйствіями генерала Кохалова въ Дагестанѣ, Пашкратевъ послалъ князю Д. О. къ полковнику Миклашевскому, командиру 42-го егерскаго полка, расположеннаго въ Казаницахъ, въ 15 верстахъ отъ Чумкесента, съ приказаніемъ выпустить мюридовъ изъ укрѣпленія. Это приказаніе разстроивало планы Миклашевскаго, который, бывъ женихомъ и получивъ уже отпускъ, собирался ѣхать на родину жениться. Храбрый полковникъ не задумался однако передъ исполненіемъ долга: молча, хотя, конечно, не безъ внутренняго волненія, положилъ онъ бумагу на столъ и немедленно велѣлъ отряду готовиться къ выступленію. Миклашевскій былъ одинъ изъ извѣстныхъ героевъ Кавказа; по одному мановенію его солдаты были готовы въ огонь и воду; одно ободрительное слово любимаго вождя было „дороже чарки“, какъ выражались егери. Гдѣ присутствовалъ Миклашевскій, тамъ каждый вѣрилъ въ побѣду, и будь врагъ въ десять разъ многочисленнѣе, ни солдаты, ни офицеры не придавали числу ни малѣйшаго значенія.

Отрядъ, въ составѣ двухъ баталіоновъ 42-го егерскаго и шести ротъ Куринскаго полковъ, при четырехъ орудіяхъ, съ дагестанскою милиціей, надъ которою принялъ начальство князь Д. О., выступилъ 1-го декабря 1831 г. изъ Казаницъ и около полудня подошелъ къ Чумкесенту, иначе Дачъ-Каза.

„Чумкесентъ, находившійся въѣво, въ глубинѣ лѣса, былъ совершенно скрытъ, словно въ ящикъ — говорить въ своихъ запискахъ князь Д. О. — Отъ поляны, растлавленной впереди, лѣсъ отдѣлился глубокимъ лѣсеннымъ оврагомъ, непроходимымъ не только для орудій, но и для пѣхоты. У опушки лѣса, со стороны поляны и вдоль по оврагу, устроены были завалы, въ которыхъ засѣли мюриды подъ начальствомъ Гамзатъ-бека,

главнаго наперника Кази-муллы. Я отправился отыскивать удобный пунктъ для переправы. Миклашевскій не дождался однако моего возвращенія. Найдя небольшую тропинку, онъ переправилъ пѣхоту черезъ оврагъ и приказалъ подполковнику Михайлову атаковать завалы съ фронта, самъ же, оставшись на мѣстѣ, открылъ огонь изъ орудій вдоль заваловъ. Послѣ непродолжительной канонады, храбрые егеря бросились на завалы, взяли ихъ и скрылись въ лѣсу. Сильная ружейная пальба, раздававшаяся въ чащѣ, служила очевиднымъ доказательствомъ, что егеря встрѣтили серьезное сопротивление. Поручивъ мнѣ двѣ роты Куринскаго полка, Миклашевскій приказалъ идти черезъ оврагъ на помощь Михайлову. Войдя въ лѣсъ, я встрѣтилъ раненаго Михайлова, отъ котораго узналъ, что майоръ Кандауровъ убитъ, всѣ ротные командиры перебиты или переранены, и что егеря, разсыпавшись по лѣсу, ведутъ перестрѣлку съ горцами, засѣвшими въ укрѣпленіи.

„Укрывъ свои двѣ роты за саклями, я началъ осматривать мѣстность и соображалъ, какъ мнѣ поступить въ данномъ случаѣ. Вдругъ является Миклашевскій, слезаетъ съ лошади, приказываетъ барабанщику бить сборъ и въ головѣ не безѣе сорока человекъ бросается на укрѣпленіе, отъ котораго уже были отбиты двѣ атаки. Едва успѣвъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ пуля сразила его наповалъ (*).

(*) Смерть храбраго Миклашевскаго описана у Маралинскаго; но какъ писатель этотъ часто увлекался красноречіемъ, особенно когда описывалъ по слухамъ, то, приводя одно обстоятельство, мы оставляемъ его въроятности на ответственности автора.

„Наканунѣ 1-го декабря, Миклашевскій узналъ съ немногими близкими къ нему. Онъ казался веселымъ, но едва-ли былъ имъ. Невольная дума прачила его лицо — „Ну, господа—сказалъ онъ—пало славно закончить славный походъ. Я должникъ государю за многія милости, особенно за позволеніе ѣхать въ отпускъ, и сдѣлано все, что могу. Отработавъ дѣло молоденьки, и я астоюъ пазочу на родную. Воображаю, какъ будетъ мнѣ радъ старикъ отецъ мой; про себя говорить нечего: я русскій, я сынъ, и женихъ. Лестно мнѣ, что генералъ Панкратьевъ имѣлъ меня приложить прованскую печать къ страницѣ исторіи, на которой блестяще его имя; но—подивитесь—я почти былъ бы радъ, если бы Кази-мулла бѣжалъ за границу. Мнѣ спится въ прошлую ночь страшный сонъ. Чудилось мнѣ, что въ мою палатку входитъ прекрасная женщина, въ сѣзяхъ, съ растрепанными волосами; встаетъ, что она ѣмтъ-то покинула. Проникъ минута, и она уже лезала въ мои объятія; и какъ ангелъ ко мнѣ лезетъ; но и чувствовалъ, что поцѣлуй ея—ледъ, грудь холодная какъ лѣдъ.... Она холодала на рукахъ моихъ; мнѣ стало страшно; и ябѣ, встывалъ; я заморозилъ, сердце перестало биться. Просыпаюсь.... Одыло у ногъ, и холодный вѣтеръ игралъ полами шатра. Рыбу-Промышляюсь.... Одыло у ногъ, и холодный вѣтеръ игралъ полами шатра. Рыбу-мѣтелъ, это вадоръ.... Будучи отряднымъ начальникомъ, и менѣ чѣмъ вадоръ-буду

„Постигая очень хорошо, что въсть о гибели любимаго начальника, въ такую критическую минуту, могла бы имѣть губительныя послѣдствія для отряда, я позаботился скрыть до поры, до времени смерть Миклашевскаго. Распустивъ слухъ, что полковникъ только раненъ, я приказалъ отнести тѣло его въ саклю, строго запретаю свидѣтелямъ катастрофы говорить о видѣнномъ и началъ распорядиться именамъ Миклашевскаго. Я входилъ въ саклю и наклонялся къ трупу какъ бы для полученія приказаній. Прежде всего поручилъ я старшимъ офицерамъ, оставшимся въ живыхъ, вывести людей изъ-подъ выстрѣловъ къ опушкѣ лѣса, построить ихъ въ колонну къ атакѣ и въ такомъ положеніи ожидать дальнѣйшаго приказанія. Приказалъ я также отнести къ батареѣ раненыхъ и убитыхъ, а самъ, тѣмъ временемъ, ближе рассмотрѣлъ укрѣпленіе. Оно имѣло видъ четырехугольника. Упираясь заднимъ фасомъ въ глубокой обрывистый оврагъ, параллельный тому, черезъ который перешли войска, съ трехъ прочихъ сторонъ оно было окружено лѣсомъ. Единственный выходъ изъ укрѣпленія находился у праваго фаса и велъ на узкую тропинку, вдоль оврага, по которому непріятель легко могъ бѣжать въ горы и перейти въ Мехтуляиское владѣніе. Сообразивъ, что необходимо воспользоваться тѣмъ моментомъ, когда лезгинны начнутъ очищать укрѣпленіе и стануть уходить по узкой тропинкѣ, я вдоль ея рассыпалъ куринцевъ по кустарникамъ, велѣлъ имъ притаиться и стрѣлять по мѣрѣ того, какъ лезгинны начнутъ уходить по узкой тропинкѣ. Въ то же время я приказалъ одному татарину вѣзѣть на дерево и посмотреть, много ли осталось горцевъ въ укрѣпленіи. Вскорѣ съ дерева раздался крикъ: „ихъ будетъ около 700 человекъ!“ Вслѣдъ затѣмъ татаринъ закричалъ: „уходятъ! половина ушла!“ Тогда, не теряя ни минуты, я пустилъ куринцевъ въ атаку. Они ворвались въ укрѣпленіе еще въвремя, захватили хвостъ и перекодили до 30 человекъ. Общій уронъ горцевъ въ этотъ день, считая убитыхъ во время бѣгства по тропинкѣ, доходилъ до 250 человекъ. Все имущество Кази-муллы, въ томъ числѣ его замѣчательная библіотека, состоявшая исключительно изъ книгъ духовнаго содержанія, досталась въ руки побѣдителей.

„Передъ сумерками я отступилъ съ отрядомъ къ батареѣ буду подверженъ личной опасности.....“ (Полное собраніе сочиненій Маралинскаго, изд. 1847 г., ч. VI, стр. 146—147.)

за оврагъ, предварительно уничтоживъ укрѣпленіе. Но и нашему отряду дешево не обошлось это дѣло. Мы потеряли много убитыми и ранеными. Несмотря на жаркую перестрѣлку, я не былъ раненъ, чему, впрочемъ, способствовала мокрая бурка, въ которой впоследствии пришлось нѣсколько засѣвшихъ пулъ. Изъ штабъ-офицеровъ остались въ живыхъ только два майора. Собравшись вокругъ костра на снѣгу, офицеры, въ товарищеской бесѣдѣ, дѣлились свѣжими впечатлѣніями дня. Возникъ вопросъ, кому слѣдовало писать донесеніе о происшедшемъ дѣлѣ. Старшимъ по чину оказался майоръ Циклауровъ, и потому я, сдавъ ему команду, уѣхалъ въ Дербентъ. Въ своемъ донесеніи о чумкескентскомъ боѣ, Циклауровъ писалъ, что *Бебутовъ дѣлалъ все распоряженія по приказанію полковника Миклашевскаго.*

Панкратьевъ представилъ князя Д. О. къ ордену св. Георгія 4-й степени.

Кази-мулла не потерялъ однако бодрости послѣ утраты Чумкескента. Онъ снова собралъ свои скопища, съ цѣлію утвердиться въ шамхальствѣ, но, разбитый генераломъ Клюки-фонъ-Клюгенау, бросился въ Чечню. Тогда Розень рѣшился нанести ему ударъ разомъ съ двухъ сторонъ—въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ.

Назначенный состоять при Вельяминовѣ, начальствовавшимъ кавказскою линіею, князь Д. О. вступилъ, по его приказанію, въ командованіе всею кавалеріею въ отрядѣ, т. е. 2-мъ конно-мусульманскимъ полкомъ, небольшимъ числомъ казаковъ и грузинскою милиціей. Здѣсь вѣстятъ замѣтить, что этотъ мусульманскій полкъ былъ изъ числа пяти сформированныхъ графомъ Паскевичемъ во время турецкой войны, каждый въ шесть сотенъ, по образцу казачьихъ, съ сохраненіемъ народностей, обитающихъ въ Закавказьѣ. Тавъ первый полкъ состоялъ весь изъ жителей Карабахской провинціи, второй—изъ жителей провинцій Ширванской и Шекинской, третій—изъ дистанціонныхъ татаръ, четвертый—изъ обывателей Эриванской области, пятый—изъ кенгерцовъ этой же области. Всякій полкъ имѣлъ свое знамя, что придавало ему нѣкоторый самостоятельный характеръ. Всадники были хорошо вооружены, сидѣли на отаичныхъ карабахскихъ жеребцахъ и дрались съ одинаковою удалю на конѣ и пѣшкомъ. Князю Бебутову было нетрудно освоиться съ новыми боевыми товарищами. Зналъ вполнѣ и характеръ мусульманъ, и общій ихъ татарскій языкъ,

онъ вскорѣ приобрѣлъ неограниченное ихъ довѣріе, такъ что полкъ бросался за нимъ въ самыя жаркія схватки въ шапки или же свѣшивался, когда нужно было подкрѣпить пѣхоту или штурмовать какое-нибудь укрѣпленіе. Съ этимъ полкомъ Бебутовъ совершилъ всю экспедицію въ Чечнѣ (съ 13-го іюня по 18-е сентября 1832 г.) въ отрядѣ, которымъ командовали поочередно: генералъ князь Бековичъ-Черкесскій, полковники Шумскій, Засѣ, князь Дядькинъ, Пирятинскій, начиная со взятія селенія Шельгохи (іюля 14-го), въ землѣ карабулаховъ, и истребленія множества другихъ ауловъ, до послѣдней перестрѣлки у Боча-Юрта.

Едва окончилась эта экспедиція, какъ князь Д. О. долженъ былъ перенестись на другое поле битвы—въ Дагестанъ. Тамъ собрался сильный отрядъ, подъ начальствомъ корпуснаго командира, для преслѣдованія Кази-муллы, укрѣпившагося въ Гимрахъ. Бебутову снова досталось командовать всею кавалеріею, состоявшею изъ двухъ конно-мусульманскихъ и Моздокскаго линейнаго полковъ, съ грузинскою милиціей.

Послѣ десятидневнаго похода, сопровождавшагося перестрѣлкою съ горами и занятіемъ передовыхъ заваловъ (16-го октября 1832 г.), отрядъ на другой день подступилъ къ Гимрамъ, и, послѣ упорнаго штурма, войска наши ворвались въ это селеніе. Рѣшившись не сдаваться ни въ какомъ случаѣ, Кази-мулла засѣлъ въ завалахъ съ 49 избранными мюридами, въ числѣ которыхъ находился и знаменитый впоследствии Шамиль. Окруженный войсками, бросившимися къ заваламъ со всѣхъ сторонъ, Кази-мулла началъ отстрѣливаться. Когда же изъ 49 мюридовъ нѣкоторые были убиты, онъ сказалъ: „Здѣсь насъ просто перебьютъ, и мы погибнемъ, не причинивъ вреда невѣрнымъ. Гораздо лучше намъ выйти и умереть, пробиваясь сквозь непріятеля“. Съ этими словами, нагнувшись на глаза папаху, онъ бросился изъ завала, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ въ затылокъ ему попалъ камень, отчего Кази-мулла упалъ безъ чувствъ. Подоспѣвшіе солдаты подняли на штыки отважнаго предводителя мюридовъ.

Смерть Кази-муллы нанесла чувствительный ударъ мюридаму, но не остановила его развитія во внутреннемъ Дагестанѣ. Въ 1834 г. выступилъ свѣжия силы, подъ начальствомъ преемника Кази-муллы, Гаматъ-бена, и устремился на Аварію; но какъ дѣйствія новаго вождя мюридовъ отличались зѣвскою

жестокостію, то озлобленные аварцы умертвили Гамзагъ-бека въ Хунзахѣ. Въ главѣ мюридизма явился Шамиль.

По окончаніи дагестанской экспедиціи, въ которой мусульмане Бебутова дѣйствовали такъ же храбро, какъ и въ Чечнѣ, князь Д. О. возвратился въ Тифлисъ, гдѣ его ожидало новое назначеніе. Баронъ Розенъ поручилъ ему принять должность ново-закавказскаго коменданта и предсѣдателя Джаро-Бѣлоканской области. Эта обязанность была не по сердцу князю Д. О. Кромѣ того, что она обрекала его на затворническую почти жизнь, самая крѣпость Новые Закавалы, построенная въ чрезвычайно-нездоровой мѣстности, имѣла печальную извѣстность по свирѣпствовавшимъ въ ней лихорадкамъ, отъ которыхъ гибла большая часть гарнизона. Наконецъ этотъ постъ требовалъ крайней бдительности противъ лезгинъ, которые, въ кратковременное пребываніе здѣсь князя Д. О., два раза покушались атаковать крѣпость. Выдержавъ самъ жестокую лихорадку, Бебутовъ выпросился въ Тифлисъ и сталъ ходатайствовать о возвращеніи въ полкъ. Желаніе его было исполнено: 28-го января 1833 г. онъ получилъ разрѣшеніе отправиться во фронтъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, расположенный въ урочищѣ Кара-Агачъ, во ста верстахъ отъ Тифлиса.

Нижегородскій полкъ служилъ какъ бы школою для молодыхъ офицеровъ, желавшихъ закалить себя въ боевой дѣятельности, и притомъ составлялъ какъ бы депо всѣхъ разжалованныхъ и переведенныхъ, въ наказаніе, на Кавказъ кавалерійскихъ офицеровъ. Отъ того общество офицеровъ полка было огромное и разнообразное.

Изъ нихъ князь Д. О. съ удовольствіемъ воспоминаетъ о князѣ Баратовѣ, Ворцелѣ, Корниловичѣ и Львѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, родномъ братѣ поэта, къ которому пріѣзжалъ въ гости и Александръ Сергѣевичъ. Послѣ турецкой кампаніи, Бебутовъ принялъ 1-й эскадронъ, но менѣе чѣмъ черезъ полгода получилъ приказаніе сдать эскадронъ и явиться въ Тифлисъ къ корпусному командиру. Здѣсь онъ узналъ о новомъ своемъ назначеніи.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)